

ВЕНОК НЕУДАЧНИКУ

Младший Лобаченко своим приобретением супругов Шуриковых гордился. При знакомстве в Питере Лёха напел работодателю, что жену его прочать в аспирантуру и что она уже подмывала преподавательницу на младших курсах. Скорее всего, думал Салабинь, так оно и было. Только стоило ли ей губить себя в стамбульской шарашке? Лёшка уронил, а Салабинь обнаружил под столом – фотографию, где Шуриков стоял рядом с Женей, бледной тоненькой питерской девочкой, – оба в свадебном наряде. На обороте Женя написала: «Лёшенька, милый, я очень тебя люблю!»

В июле она прилетела посмотреть, как устроился муж, каково ему в Стамбуле. А Лёха уже согласовал со старым Лобаченко себе хлебное место главного переговорщика по ремонтным ведомостям судов: решать, какой конкретно объём ремонтных работ заказывать на верфи и по какой цене. Главное – что и по какой цене. Старика он без труда убедил: ведь в компании корабелов не было, если не считать корпусника Андрея Николаевича, но тот коммерсантом не был – от слова вообще.

Разговаривая с руководством «Азова Интернешнл», Женя растерялась: «А чем бы я могла у вас заниматься?» Вероятно, она могла бы, для своего скакуна и в цене – за него, делать всю бумажную работу; но лучше бы, по мнению Салабина, оставаться ей в Питере ради нашего судостроения и во избежание дётей от Лёхи Шурикова..

По отъезде Жени всё продолжилось, как и прежде, только Лёшка теперь откровенно рассказывал Салабину, как много у него знакомых и друзей среди турок, он даже был свидетелем на одной турецкой свадьбе; там и турецкой подружкой обзавёлся.

– Парень, ты смотри, – сказала ему Андрей Николаевич, – как бы на нож не нарваться.

– Не, ништяк, у ней родители смиренные!

«Да он, пожалуй, мусульманин!» – подумалось Салабину. «Или косить под мусульманина, когда среди турок!»

Тем же летом появилась в офисе гостья из Ростова-на-Дону, безцветная дальняя родственница семьи – в первом приближении к возрасту старой дёвы. Постепенно Лёха привык под-

гарцовывать в её присутствии. Промежуточным итогом стало то, что ростовчанку Ксюшу взяли в штат бухгалтерии и отправили на денёк-другой обратно в Ростов, поскольку кончалась её туристическая виза, – а Лёшка отправился в Питер за разводом.

Обороты его гешефтов сильно возросли, когда он женился на Ксюше. Молодые теперь жили в снятой для них квартире, избавив Салабина от Лёшкиного общества. Но всё же Бог шельму мѣтит: Лёшка сверзился в трюм с лѣстницы, получив сложный перелом ноги, – и, пока кантовался в больницѣ, в его бумагах нашли признаки мошенничества. Ксюша смогла его предупредить, Лёшка успѣлъ от тузлинских регистровцев получить рекомендації, ряд практических совѣтов, и молодая пара тайно улетѣла в морскую столицу Россіи: Лёшка устроился в Россійскій Регистръ. И нѣтъ у Салабина сомнѣній в томъ, что Шуриковъ успѣшно отсудилъ при разводѣ половину Жениной квартиры или площади, какова бы она ни была.

Послѣднее, что слышалъ о нёмъ Салабинъ, – это переданныя изъ третьихъ устъ грозныя обѣщанія инспектора Шурикова: «Ну теперь этотъ «Азовъ...эшеналь» попляшетъ у меня!»

Ну и хватить о Лешкѣ. Забудемъ о нёмъ. Да о Женѣ вздохнѣмъ.

* * *

Нестъ власть, аще не отъ Бога;
дѣйствительныя же власти
отъ Бога поставленни суть

(Рим. 13, 1)

Турецкая власть – это безпрекословная власть. Какъ сказали бы новоявленные російскіе журнали, полюбившія и полюбившіе это украинское слово: власть упѣртая.

Турки назначаютъ судну квадратъ рейдовой стоянки – и не смѣй просить о другомъ. Они подолгу выдерживаютъ корабли в очереди на проходъ Босфоромъ изъ Чѣрнаго моря – тянутъ съ выдачей разрѣшенія, лишь бы показать, что они власть. Это на всѣхъ уровняхъ, только чѣмъ ниже – тѣмъ хуже.

Разсказываютъ, что прошлымъ декабрѣмъ російскій сухогрузъ «Св. Пантелеѣмонъ», будучи в балластѣ (безъ груза), на вторыя сутки ожиданія былъ выброшенъ на скалы штормомъ. Власти Босфора знали, что судно «налегкѣ» будетъ игрушкой для непогоды; не могли не знать и метеопрогноза. Можетъ, какому-то турку не понравилось имя судна?

К счастью, суда «Азова...» всегда подходятъ къ Босфору съ сѣвера в полномъ грузу: съ украинской сталью, украинской же глиной для печей Италіи съ Испаніей, а то и съ сѣмечками, или со сталью изъ болгарскихъ Кремиковцевъ... Зимой добавляется уголь; вотъ, собственно, и всё. Но съ сѣвера – грузъ непремѣнно.

Другая бѣда судовъ, достигшихъ определѣннаго возраста и работающихъ подъ «удобными» (дешёвыми) флагами – это ихъ частые аресты в портахъ Европы, в цыганской Румыніи и даже турецкой Малой Азіи. А какъ же?.. Турецкая джумхуріет* не одно десятилѣтіе мечтаетъ о Европейскомъ Союзѣ – вотъ на Европу и равняется! На Аврупу, если по-турецки. А были времена, когда половина Аврупы была под властью пашей и подъ пѣніемъ муэдзиновъ; но времена мѣняются, всему, какъ извѣстно, приходитъ законмѣрный конецъ. Главное, чтобы мы не забывали объ этомъ.

Когда случается арестъ судна семьи Лобаченко, папа Лобаченко призываетъ на помощь экспертовъ и адвокатовъ той страны, гдѣ это приключилось, а когда надо раскошелиться – вылетаетъ на мѣсто. Слава Богу, нѣтъ вины Салабина: бумаги в порядкѣ. А то, что забыли газоанализаторъ, – на совѣсти старпома.

Для семьи эти затраты не критичны; только Кравченко, Волковъ и Салабинъ цокаютъ языкомъ, слыша цифры потерь и простоев. Калашниковъ, какъ матерый спецъ, сохраняетъ ироническое спокойствіе; онъ в курсѣ всѣхъ комплексовъ семьи, ихъ раскладовъ и просчѣтовъ. Нерѣдко онъ проситъ Салабина «пробѣжать глазами» текстъ чартеръ-партіи – и Геннадій погружается в казуистику англійскаго юридическаго синтаксиса, пока Анатолій куритъ, давая мозгу передышку отъ «этой англомосятины».

* Республика.

Когда Калашниковъ только начиналъ произносить въ «Азовѣ...» фамилію Салабина, то навѣрняка упоминалъ, среди его качествъ, и способность «выучить турецкій за пару мѣсяцевъ». Салабинъ догадался объ этомъ, когда Анатолий высказалъ такую увѣренность разъ-другой уже при нёмъ. Отъ подобныхъ намѣреній Салабинъ энергично открестился. Во-первыхъ, турецкій сильно повредитъ болѣе чѣмъ восьмилѣтнему флирту Салабина съ новогреческимъ. Во-вторыхъ, не хотѣлось ему «на старости лѣтъ» вникать въ странности тюркской грамматики. «Будь мнѣ снова двадцать лѣтъ и другой вкусъ, я могъ бы взяться за турецкій, какъ Владиміръ Вольфовичъ, и стать бы специалистомъ вродѣ него... Но нѣтъ, послѣдняя свободная часть моего сердца уже занята.»

Птица по-турецки «куш», пѣвчая, пѣвчій – «чалы», а «Птичка пѣвчая*» – «чалыкушú».

Турецкій курортъ Кушадасы́ – это Птичій Островъ: куш + ада́ = кушадасы́. Поди-ка разберись! Гдѣ столько времени взять? «Я врядъ ли къ этому привыкну безъ поврежденія какого-то изъ полушарій!..»

По субботамъ Калашниковъ и Салабинъ приходятъ поочередно въ контору просматривать входящую почту и переставляютъ фигурки корабликовъ на магнитной картѣ, а заодно – и что-нибудь своё навѣрстывать.

Въ такую трудовую субботу уже не идѣтъ Салабинъ къ паромамъ на пристани и не путешествуетъ въ Европу – къ историческимъ стѣнамъ Константинополя подъ бордовыми флагами съ полумѣсяцемъ и звѣздой. Но у него въ запасѣ воскресенье.

А въ понедѣльникъ объявится загорѣлый Ярославъ Гринда и похвалится путешествіями по Малой Азіи. Они даже пещерные города Каппадокіи видали – не зная, что это Каппадокія. А европейскій клочъ турецкой территоріи исколесили съ женой вдоль и поперекъ. Тамъ видѣли даже болгарскую православную церковь, сложенную изъ чугунныхъ деталей. По легендѣ, болгарскіе купцы чѣмъ-то ублажили султана, и тотъ сказалъ, что исполнитъ любую ихъ просьбу. Тѣ попросили разрѣшить имъ построить православную церковь для своей общины. Султанъ почесалъ носъ** и сказалъ: «Да, но... если успѣете построить за сутки.» Болгары заказали въ Австріи отливку деталей согласно ихъ чертежамъ, доставили ихъ по Дунаю и Чѣрному морю – сложили церковь за ночь.

Гринда видѣлъ её, а Салабинъ искалъ, ноги сбиль, но не нашѣлъ.

На азійскомъ берегу Гринды изслѣдовали всѣ доступныя и популярныя мѣста, не огражденныя щитами и страшилками НАТО. Бандырма, Чанаккале, Эскишехіръ и Кайсері – вполнѣ въ предѣлахъ досягаемости для ихъ внѣдорожника. Но и про дальнюю Каппадокію Ярославъ говорилъ взахлѣбъ, о цѣлыхъ «городахъ» пещерныхъ христіанъ – только греческое имя Каппадокіи турки ему не открыли.

Салабинъ былъ на сайтѣ каппадокійскаго землячества въ Греціи – изгнанниковъ изъ Малой Азіи при Ататюркѣ... Освободившись отъ злой Аврупы, «отецъ турокъ» сталъ освобождать Малую Азію отъ коренныхъ ея жителей. Греческій фильмъ «1922» даѣтъ полную картину изгоняемыхъ семей подъ бичами конвоировъ и подъ палящими лучами чѣрнаго солнца.

Завтра, въ воскресенье, Салабинъ купить бутылку каппадокійскаго вина – единственнаго, пожалуй, въ Турціи, которое не горчить... На пробкѣ этой винодѣльческой компаніи изображенъ двуглавый византійскій орѣлъ, но турки уже не снимаютъ за это кожу съ грековъ.

Волковъ и Кравченко поставили Салабину телевизоръ (изъ запасниковъ Волкова) и смонтировали приѣмную тарелку зрачкомъ на европейскій спутникъ. Пробное включеніе выдало итальянскій стриптизъ; Кравченко игриво толкнулъ Салабина: «А шо робить?» Это его коронная фраза въ щекотливыхъ случаяхъ.

Салабинъ убѣдился въ приѣмѣ греческихъ каналовъ, російской «Планеты-24» – и началъ речь о томъ, насколько онъ друзьямъ-сослуживцамъ обязанъ... Оба дружно эти речи пресекли, а Кравченко взялъ Салабина за локоть и, глядя ему въ глаза, выразительно прошепталъ: «Мы же знаемъ, сколько вы получаете!»

Греческихъ каналовъ оказалось всего ничего – только шесть. А итальянскихъ – безъ малаго сотня, двѣ трети изъ коихъ – стриптизъ и порнографія. Зато одинъ-другой изъ греческихъ напомнили про советское краевѣдческое кино и чѣрно-бѣлую ретро-фильмотеку; тогда-то и увидѣлъ онъ фильмъ про 1922-й годъ...

* Романъ Решада Нури Гюнтекина

** Легенда прямо не говоритъ о носѣ султана, но Салабинъ будто воочию видитъ его, теребящаго свой носъ.

Въ одинь погожий алоуэца* Марченко подъехалъ по дѣламъ къ турецкой тамождѣ, а Салабинъ остался в машинѣ. Уходя, Кравченко выключилъ музыкальную кассету «русскаго шансона» и всякихъ «океановъ Эльзы» – и тутъ зазвучала мѣстная станція FM.

И вдругъ слухъ Салабина тронула тихая пѣсня и голосъ, который ни съ кѣмъ не спутаешь: Харула Алексіу, «Пез му пос гінетэ».

Въ тотъ вечеръ Салабинъ не поспѣшилъ домой. Зайдя въ офисъ, онъ сѣлъ за компьютеръ, вошѣлъ въ stxoi.info и нашѣлъ текстъ этой пѣсни, даже съ французскимъ и болгарскимъ переводами.

И вотъ какъ онъ отразилъ её по-русски:

Скажи мнѣ, какъ это возможно,
когда ты ушла,
когда ты ушла такъ давно –
но ты по-прежнему въ опустѣвшемъ домѣ
обнимаешь меня,
отвѣчая на мой поцѣлуй?
Скажи мнѣ, какъ это возможно?

Безумень, самъ не свой,
блуждаю, пленникъ твой,
роняю слѣзы и кричу,
кричу и хохочу,
кричу и хохочу
и брежу и молчу.

Скажи мнѣ, какъ это возможно,
когда ты ушла,
когда ты ушла такъ давно –
и ты по-прежнему въ опустѣвшемъ домѣ
обнимаешь меня,
отвѣчая на мой поцѣлуй?
Скажи мнѣ, какъ это возможно?

Такъ всё сошлось: умолкла кассета – не Кругъ, не Маршалъ, ниже Вакарчукъ, ни «Владимірскій централъ», а родное одиночество – и душевный голосъ въ эфирѣ. Потомъ онъ слышалъ эту пѣсню уже въ Россіи, и голосъ былъ тотъ же – только постарше, и музыка была въ черезчуръ удаломъ исполненіи, а пѣніе съ нарочитымъ надрывомъ. Отъ задумчивой душевности уже мало что оставалось.

Только Салабинъ былъ не лыкомъ шить: въ закромахъ интернета онъ отыскалъ то самое исполненіе, ту самую запись – и слушалъ...

* * *

...За окномъ отзвучалъ крикъ старьёвщика съ телѣжкой, теперь летитъ по переулку кличь разносчика симітовъ**, но день воскресный – и Салабинъ досматриваетъ утренній сонъ.

На безкрайнемъ свѣтломъ этажѣ множество молодыхъ людей въ жѣлто-зелѣныхъ футболкахъ и рубашкахъ, съ одинаковыми ноутбуками и телефонами: нѣкоторые раскрыты – и въ нихъ реклама той же одежды. Салабинъ прошѣлся по этажу въ оба конца, тамъ и тамъ лѣстницы, онѣ построены, по умыслу или нѣтъ, но съ ошибкой: въ одномъ концѣ лѣстница спускается черезчуръ *круто*, ея ступени такъ «стекають» внизъ, что сойти, не сверзившись, можно только цѣпляясь за перила; а въ другомъ концѣ лѣстница, ведущая вверхъ, – постелена настолько *полого*, что ступени своими «рѣбрами» топорчатся вверхъ на Салабина: приходится ступать по острымъ краямъ.

* Здѣсь: послѣобеденный часъ (*греч.*).

** Турецкіе калачи.

Салабинъ возвращается поразмыслить – къ своему ноутбуку, чемодану, телефону; примѣряет новенькія футболки, рубашки – и видитъ, какъ изъ коридора – а всѣ стѣны то ли прозрачны, то ли проницаемы для мыслей – къ нему сворачиваетъ его «крѣстный отецъ» по пароходству: покойный Купавинъ Сергѣй Ивановичъ.

Салабинъ охватываетъ его крѣпкимъ объятіемъ (въ жизни такое было немислимо), а тотъ зовѣтъ его къ себѣ. Салабинъ суетится, хочеть захватить съ собой телефонъ (какъ «назначенное лицо»), а Купавинъ говоритъ: «да брось ты, кто тебѣ станеть звонить?». И правда, думаетъ Салабинъ, ну кто мнѣ звонитъ? – я же всѣхъ отвадилъ...

Тутъ сонъ растворяется въ яви, Салабинъ медленно думаетъ, приходитъ въ себя – и размышляетъ, что стало бы съ нимъ, женись онъ на дочери Сергѣя Ивановича или на той дѣвчкѣ съ факультета, чей папа былъ полковникъ и кандидатъ военныхъ наукъ, всѣ встрѣчи съ которыми, и съ той, и съ другой, и всѣ посѣщенія ихъ дома, знакомство съ родителями, случайные отсутствія родителей и его бесѣды съ дочкой (дочками) – въ ожиданіи Сергѣя Ивановича запаздывающаго, а съ дѣвчкой-однокурсницей – не въ ожиданіи, а въ упоительныхъ поцѣлуяхъ, – всё это для него, для олуха, было подстроено, а онъ не видѣлъ этого столько лѣтъ...

Что стало бы съ нимъ?.. Онъ былъ бы обречѣнъ дѣлать карьеру, которой ждала бы отъ него дѣвчонка съ факультета и ея родители; или же погрузился бы въ морскія перевозки, въ переговоры съ партнёрами, по самыя уши – и тамъ бы барахтался, опять-таки дѣлая карьеру. Изъ которой было бы не выбраться...

Нѣтъ, Господь попустилъ ему жениться на дѣвчонкѣ изъ семьи распавшейся, гдѣ братишка на учѣтѣ въ «дѣтской комнатѣ милиціи», и гдѣ мама съ бабушкой на ножахъ, гдѣ родители невѣнчаны – и не оттого ли женитьба Салабина была обречена и ко всѣму готова.

Такъ остался Салабинъ – тогда тамъ, а теперь во снѣ – свободень для выбора: въ какой конецъ этажа податься. Или – ни вверхъ, ни внизъ?.. Значить – остаться. «У себя...»

* * *

Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хазарамъ...

А.С. Пушкинъ

Россія – центр еврейского мира.
«Еврейская газета», № 17. 2003

(цитата изъ интернета)

Легче всего забывается недавнее прошлое; поэтому профессионалы берутъ въ шоры именно давнее – и подвергаютъ прицѣльному бомбометанію. Хазары, у коихъ въ рукахъ претерпѣваютъ разоръ, поджоги и поношеніе русскіе архивы, именуютъ сіе «борьбой съ мифами». А недавнее прошлое русскій челоуѣкъ и самъ забудеть, какъ девяносто третій годъ. Самое надёжное стирание памяти ещё недавно – это алкоголь. Но теперь на первое мѣсто вышелъ телевизоръ.

Ещё недавно вся страна недоумѣвала: чей развѣдчикъ мистеръ ВВ? А сегодня инженеръ Гринда гордится имъ. А собственно – чѣмъ? А тѣмъ, что... хоть что-то... Какъ пѣли раньше о преподавателяхъ исторіи партіи и замполитахъ: «мы не пашемъ, не сѣемъ, не строимъ – мы гордимся общественнымъ строємъ!». Теперь гордимся тѣлодвиженіями, жестами, фразами... Наблюдаемъ въ упоеніи – пальца дядина движенія. Всему этому есть новое названіе: пи-аръ. PR. «Обогащается» великій и могучій! Результатъ? – его обѣдненіе. Вмѣсто букета словъ и понятій получаемъ одинъ сухой стебель.

Теперь облечѣнные властью не говорятъ «осуществить; внедрить; провести въ жизнь». Теперь – *имплементируютъ*. А что – и взятки гладки! Кто обѣщаль осуществить? Ау?

Теперь слова *значительный, важный, существенный, вѣсомый, цѣнный, цѣнимый* замѣняются однимъ подкидышемъ изъ пробирки: «значимый»?!. Въ какомъ кабинетѣ его назначили? Если по-русски, то такъ не говорятъ. Ничего нельзя *значить*, а пусть оно само по себѣ что-то значить. Если всѣ вокругъ нормальные – и понятіе имѣютъ о переходныхъ глаголахъ, то такъ и будетъ. Но образованцы въ регалияхъ и пристяжные журна... листы всегда найдутъ что-нибудь *значимое* – и *значать* его, *значать*, пока русскій грамотный житель не выпрыгнетъ изъ окна. Можетъ, въ этомъ-то и цѣль?

Правда, нью-президентъ говорить, что только придурки отстаиваютъ свою русскость. И Лейба Давыдовичъ одобрилъ бы его, какъ нынѣ одобряетъ хабадь-уполномоченный Берль Л. Неслучайно всѣ журналисты берловой секты любятъ этотъ шлаковый соскобъ – «значимый» – и не любятъ его «устаревшихъ конкурентовъ». Совѣмъ неслучайно это мертворожденное словцо-уродъ получило искусственную вентиляцію лёгкихъ отъ депутатовъ Майкла Горби-ибн-Тэтчер-унд-Рейган. Самъ этотъ Майклъ ничего не значилъ, но его *значили*... Вопреки грамматикѣ, Конституціи и Уголовному Кодексу. Его *значили*, построивъ лѣстницу изъ труповъ его соперниковъ, – разумѣется, устаревшихъ.

Начиная съ Андропова, страна осѣдлана хитрыми заклятыми врагами; они сѣдла не уступятъ, пока страна не сброситъ сѣдока. Въ противномъ случаѣ – будемъ ждать Второго Пришествія...

Салабинъ читаетъ редакціонную статью «Русской линіи» двухгодичной давности – реквіемъ Всемирному Русскому Народному Собору. Интернетъ сохранилъ её какъ будто для Салабина: онъ полностью согласенъ съ ней, хотя «Линія» и отказалась отъ знакомства съ «Русскимъ небомъ».

«Нельзя сказать, что всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждали начала VI Всемирнаго Русскаго Народнаго Собора**». Это было бы большимъ преувеличеніемъ. Въ послѣдніе годы авторитетъ Собора нѣсколько потускнѣлъ. Тѣмъ не менѣе, для русскаго человѣка Соборъ остаётся до сихъ поръ единственнымъ реальнымъ механизмомъ донесенія до власти нуждъ и проблемъ русскаго народа. Народа вымирающаго, раздѣлённаго искусственными границами, – народа, безъ котораго, въ концѣ концовъ, не будетъ ни Россіи, ни Русской Православной Церкви. Именно поэтому мы всё-таки ожидали открытія Русскаго Собора съ надеждой. Увы, наши надежды не сбылись.»

РЛ сообщаетъ массу имёнъ политбомонда, науки, искусства – кто присутствовалъ на Соборе или кто прислалъ телеграмму приветствія: «председатель Конституціоннаго Суда Маратъ Баглай, генераль-губернаторъ *(такъ въ сообщеніи, Салабинъ не виноватъ!)* ЦФО Георгій Полтавченко, видные политики: Геннадій Зюгановъ, Григорій Явлинскій, Сергѣй Глазевъ, Дмитрій Рогозинъ, Сергѣй Бабуринъ. Здѣсь же іерархи Церкви... Рядомъ видные дѣятели русской науки и культуры: ректоръ МГУ Викторъ Садовничій, режиссёръ Никита Михалковъ, скульпторъ Вячеславъ Клыковъ, художникъ Илья Глазуновъ, писатели: Валерій Ганичевъ, Валентинъ Распутинъ, Владиміръ Крупинъ, шахматистъ Анатолій Карповъ и др. Въ проходахъ толкалась журналистская братія...

Немного смушало присутствіе на Русскомъ Соборѣ значительнаго числа мусульманъ во главѣ съ верховнымъ муфтіемъ Талгатомъ Таджуддиномъ, а также одного изъ двухъ главныхъ раввиновъ Россіи Адольфа Шаевича и лидера буддистовъ Россіи Пандито Хамбо ламы Дамбы Аюшеева. «Впрочемъ, – пытается это объяснить авторъ сообщенія, – Соборъ не только Русскій, но ещё и народный; кромѣ того, тема Собора «Россія: вѣра и цивилизація. Діалогъ эпохъ» – дѣлала необходимымъ присутствіе инновѣрцевъ и инородцевъ. Кстати, глава буддистовъ Россіи высказалъ удивительно мудрую мысль, до которой порою не доходятъ иные будто бы русскіе дѣятели: «Мы понимаемъ, что, помогая Русской Православной Церкви, мы помогаемъ самимъ себѣ».

Салабинъ не напрасно читаетъ объ этомъ столько времени спустя. Чтеніе поучительное: кто-то вылетѣлъ изъ перечня видныхъ дѣятелей, кто-то преставился не совѣмъ понятнымъ образомъ, кто-то задвинуть ультимативно... Но возмутительно, – хотя, увы, совѣмъ не странно, – что рѣчь идётъ о несуществующемъ титулѣ «главнаго раввина Россіи» – вмѣсто того чтобы назвать его, по аналогіи съ Дамбой Аюшеевымъ, главой иудеевъ Россіи, а ещё точнѣе – главой иудеевъ, проживающихъ въ Россіи. Тѣмъ болѣе что Хамбо лама – представитель кореннаго народа Россіи, въ отличіе отъ иудеевъ, «подаренныхъ» намъ раздѣломъ Польши.

Ещё потому не напрасно сохранёнъ этотъ текстъ, что замѣны однихъ персонъ другими говорятъ о многомъ – и мрачно говорятъ. Рядъ фамилій пригодятся намъ въ дальнѣйшемъ, онѣ останутся «на слуху» и на устахъ Салабина сотоварищи, а смиренный Адольфъ Шаевичъ сразу съ 2000 года кому-то не угодилъ: его *de facto* вытѣснилъ приглашённый изъ-за океана и украшенный гражданствомъ РФ боевой хабадникъ Берль.

Однако не отвлекайся, дальше читай, Геннадій Серафимовичъ!

* Значить, мы съ Салабинымъ находимся въ 2003 году.

Главной мыслью обращения Патриарха Алексія II, по впечатленію автора статьи, были слова: «Церковь и нація вновь вмѣстѣ». Это ещё не констатація факта, считаетъ журналистъ, «но ужъ точно – чаемое русскими православными людьми состояніе». Какъ мудрый отецъ, Патрархъ утѣшалъ представителей власти, «и это было очень къ мѣсту, ибо именно въ этотъ день Бушъ объявилъ, что США, наплевавъ на мнѣніе Россіи, выходятъ изъ договора по ПРО, что сильно ударило по авторитету президента Путина. Между строкъ привѣтствія Его Святѣйшества читалось: мы, конечно, слабы, наша экономика въ кризисѣ, армія ослаблена, съ Россіей мало кто считается въ мірѣ, даже лидеры малюсенькихъ странъ норовятъ дѣлать мелкія пакости, – но вы не унывайте. Рефреномъ краткой рѣчи Патриарха звучали слова «Россія имѣетъ что сказать міру». Патриархъ напомнилъ слова Достоевскаго, что Россія скажетъ міру «своё новое, здоровое и ещё не слыханное міромъ слово».

Однако въ нынѣшнемъ ея состояніи Россіи нечего сказать міру, потому она и безмолвствуетъ. «Для начала, – подчеркнул Патриархъ, – нужно подвергнуть свой будущій путь глубокому осмысленію, а прежде всего – духовно обновиться». Разъяснилъ Святѣйшій политическому руководству страны и то, какимъ долженъ стать этотъ будущій путь Россіи (только былъ ли услышанъ и понятъ Патриархъ тѣми, къ кому прежде всего были обращены его слова?).

Послѣ Патриарха съ привѣтствіемъ къ участникамъ Собора обратился президентъ Россіи. Увы, рѣчь президента разочаровала. По своему содержанию она была бы болѣе умѣстна гдѣ-нибудь на международной конференціи, а не на Всемирномъ Русскомъ Народномъ Соборѣ. Создалось впечатленіе, что президентъ не понимаетъ, о чѣмъ нужно говорить съ представителями русского народа.

Кстати, такая безцвѣтная рѣчь президента стала причиной курьёзнаго событія. Одинаковый комментарий дали къ рѣчи президента ультралиберальныя «Извѣстія» и представители православныхъ борцовъ съ «антинароднымъ режимомъ Путина», выдѣлившіе въ качествѣ основополагающихъ его слѣдующія слова: «Намъ необходимо общественное единеніе въ непріятіи ксенофобии и насилія». Видимо, и тѣмъ, и другимъ понравилось (съ противоположнымъ знакомъ, разумѣется) «непріятіе ксенофобіи». Это совпаденіе воспріятія рѣчи разными сторонами – лучшее свидѣтельство того, что...»

«А непріятіе русофобіи – гдѣ, кормилецъ ты нашъ?» – шепчетъ Салабинъ... Тѣмъ временемъ журналистъ продолжаетъ: «Навѣрное, это связано съ большой загруженностью главы государства». «А гдѣ государство? – спрашиваетъ Салабинъ. – Вѣдь антирусское государство – это антигосударство!»

«А можетъ быть, – продолжаетъ журналистъ, – это связано съ отсутствіемъ въ его окруженіи людей, чувствующихъ и понимающихъ проблемы и нужды русского народа».

Ну какъ въ воду глядѣль!

«Кстати, – пишетъ журналистъ, – на недавно прошедшемъ Гражданскомъ форумѣ, собравшемъ въ Кремлѣ бывшихъ диссидентовъ, правозащитниковъ и пчеловодовъ, Владиміръ Путинъ чувствовалъ себя куда болѣе увѣренно, пробылъ тамъ значительно дольше и рѣчь произнёсъ болѣе обстоятельную. Какъ бы то ни было, создалось впечатленіе, что у Владиміра Путина какая-то настороженность въ отношеніи Русского Собора». Кто бы сомнѣвался! – удивляется Салабинъ. – Но главное: она и въ отношеніи всѣхъ насъ.

Журналистъ справедливо замѣчаетъ: «Мысль о Россіи какъ о мостѣ между цивилизаціями неоднократно звучала на Соборѣ. Однако послѣ рѣчей Патриарха и президента показалась актуальной другая мысль: намъ нужно соорудить не мостъ между Европой и Азіей, а мостъ между Церковью и государствомъ».

– А между Церковью и народомъ? А между государствомъ и народомъ? – негодуетъ Салабинъ. – Эхъ, даже будь я сейчасъ въ Москвѣ, въ Россіи, а руки мои – коротки!

За разъясненіемъ своихъ недоумѣній журналистъ «РЛ» обратился къ виднымъ дѣятелямъ русско-го патриотическаго движенія. Первымъ былъ русскій скульпторъ, глава Всероссийскаго Соборнаго Движенія Вячеслав Михайловичъ Клыковъ: «Всѣ, къ сожаленію, тонетъ въ общихъ расплывчатыхъ фразахъ, за которыми не ощущается воли, а видится этакое благодушное профессорское равнодушіе ко всему и вся... Основной документъ, который сейчасъ принять, – практически никакой: въ нёмъ нѣтъ ни остроты, ни соборнаго духа. На Соборѣ были яркія выступленія, но, къ сожалѣнію, всѣ они потонули въ этомъ итоговомъ документѣ».

Извѣстный писатель, критикъ, историкъ изъ Петербурга Маркъ Николаевичъ Любомудровъ быть ещё болѣе категориченъ въ своихъ оцѣнкахъ: «Это мнѣ напоминало собраніе множества людей, которые переставляютъ съ мѣста на мѣсто море словъ, не очень понимая конечную цѣль, ради чего это дѣлается. Мнѣ кажется, что въ тотъ трагическій моментъ, который мы сегодня переживаемъ, мы должны занять болѣе боевую, болѣе безкомпромиссную позицію относительно того, что съ нами происходитъ, и относительно центральной власти. Я думаю, что если бы Соборъ, скажемъ, принялъ рѣшеніе о необходимости отставки правительства, онъ сдѣлалъ бы большое гражданское дѣло, полезное для всего народа, для Россіи...»

– А мнѣ – не кажется, Маркъ Николаевичъ, я въ этомъ убѣждёнъ! – восклицаетъ Салабинъ. – И хорошо вы сдѣлали, что не сказали «нашего правительства», сказали просто – «правительства». Но, добившись его отставки, можно получить другое такое же или хуже прежняго! Скромность патриотовъ подводила насъ на протяжении всѣй исторіи. Большое дѣло сдѣлалъ бы Соборъ только въ случаѣ, если бы предложилъ президенту, притомъ настоятельно, свой новый составъ правительства. Только данный Соборъ, составленный специальными людьми президента, къ этому *органически* не способенъ! Нуженъ другой Соборъ – того же значенія, что и Помѣстный Соборъ 1613 года!

«Такъ же какъ, – продолжаетъ Маркъ Николаевичъ, – если бы мы учредили какой-то постоянный комитетъ по защитѣ жизни и достоинства русскихъ людей, которыхъ сегодня начинаютъ всё болѣе агрессивно преслѣдовать. Вотъ свѣжій примѣръ съ профессоромъ И.Я. Фрояновымъ, котораго убрали, вопреки общенародному мнѣнію, съ поста декана историческаго факультета Петербургскаго университета. А это крупнѣйшій отечественный историкъ, русскій патриотъ, онъ создалъ этотъ факультетъ какъ школу русской молодёжи, выходящей изъ стѣнъ университета съ отчётливимъ національнымъ историческимъ сознаниемъ».

– За это и пострадалъ, – говоритъ Салабинъ, – и мы пострадали! За то и отомстили ему, что онъ – отечественный, когда власть – компрадорская. И чѣмъ больше будетъ она укрѣпляться, тѣмъ слабѣе будетъ становиться сей «Соборъ»-ВРНС! Поэтому нуженъ не «какой-то постоянный комитетъ по защитѣ русскихъ людей», а Земскій Соборъ профессионаловъ отъ всѣхъ коренныхъ народовъ Россіи...

* * *

Когда стараго Лобаченко навѣщаютъ пріятели по прошлымъ его подвигамъ, онъ неизмѣнно проводитъ ихъ по всѣмъ подраздѣленіямъ «Азова Интернэшналь» и представляетъ сотрудниковъ, поочередно встающихъ съ рабочаго мѣста. Въ зависимости отъ освѣдомлённости гостя Лобаченко называетъ Салабина то «назначеннымъ лицомъ», то правовымъ менеджеромъ. «А прилетитъ депутатъ Госдумы – я стану правозащитникомъ!» – криво ухмыляется Салабинъ.

Всего годъ прошёлъ, какъ онъ въ «Азовѣ...», а ему почти уже всё тутъ надоело; но и съ долгами онъ разсчитался всего лишь *почти*.

Прошлымъ лѣтомъ у него гостила дочка; руководство пообѣщало на это время никого не подсѣлять; Салабинъ собирался улетѣть домой въ отпускъ вмѣстѣ съ Марусей, но это сорвалось изъ-за покупки «Азовомъ...» почти новаго судна, названнаго «Толедо»; потомъ былъ исключительный опытъ пребыванія въ Измирскомъ порту; потомъ отложенный отпускъ состоялся – и Салабинъ обзавѣлся въ Питерѣ рядомъ новыхъ знакомствъ. А когда вернулся въ Юскюдаръ – подоспѣли шторма.

Однако обо всѣмъ по порядку (только «Толедо» – въ сторону).

Какъ потомъ призналась дочка, она прилетѣла совѣтоваться съ отцомъ, куда ей поступать за высшимъ образованіемъ; конкретно – поступать ли ей на журналистику?

Отецъ признавалъ за ней способности къ этой профессіи (если можно это назвать профессіей), онъ читалъ ея замѣтки и статейки въ молодёжномъ журнальчикѣ. Но пришлось рассказать Марусѣ, что, оставаясь честнымъ человѣкомъ, въ сегодняшней журналистикѣ легко помереть съ голоду. А всѣ связи отца въ публицистикѣ и нѣкоторыхъ журналахъ не имѣютъ къ темѣ гонораровъ никакого отношенія. И почти невозможно встрѣтить выпускника журфака, который чувствовалъ бы русскій языкъ, зато калѣчить его всѣ горазды. Любой грамотный человѣкъ иной – *нормальной* – профессіи можетъ состояться журналистомъ: ему и карты въ руки, у него за душой настоящій

опытъ, настоящая профессія, настоящія знанія. Журналисты же – съ промытыми мозгами... И большинство – съ копчёной совѣстью.

Дочка задумалась и сказала, «ну ладно, ещё годъ на раздумья; а другая моя цѣль – увезти домой немножечко турецкаго загара». У ребёнка было представление, что въ Турціи можно загорать вездѣ. На Босфорѣ, конечно, существовали пляжи, но къ нимъ надо было долго ѣхать автобусами или, побыстрѣе, на такси; поэтому Салабинъ избралъ паромный маршрутъ на Принцевы острова. Это же, доченька, Мраморное море – разъ! Это же морское путешествіе – два! Я тамъ бывалъ уже – три! А пока будніе, рабочіе дни, отецъ по вечерамъ фотографировалъ дочку на фонѣ олеандровъ, на фонѣ дальнихъ кораблей, на фонѣ пасущихся овецъ.

– Смотри, Маруся, это фиговое дерево! Видишь, какіе листья? Ихъ античные скульпторы использовали... ну, ты знаешь. Фиги, то есть ихъ плоды – это на Западѣ фиги, а по-русски и по-турецки – инжиръ, зато по-натовски – Инджирликъ*... (Шучу!) А форма листьевъ фиговыхъ деревьевъ наводитъ на мысль, что безбожный англичанинъ Дарвинъ глубоко ошибался (если не лгалъ!) насчётъ своей теоріи эволюціи, потому что эволюціи глубоко безразлична форма листьевъ...

– Поняла! – воскликнула дочь Салабина. – Потому что это творенія... ну, то есть Божьи...

– Да, цѣлесообразность эволюціи и творческое вдохновеніе – они и рядомъ не стояли.

Въ часы, когда Салабинъ коснѣлъ за компьютеромъ въ офисѣ, Маруся дочитывала взятаго съ собой въ дорогу элегическаго «Дэвида Копперфильда». Вслѣдъ за ней повторно перечѣлъ эту книгу отецъ. Вообще этотъ мѣсяцъ общенія съ дочкой остался у Салабина какъ одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ.

Но на Принцевыхъ островахъ они были только однажды. Туда надо ѣздить, оставляя цѣнные вещи дома, а дѣвушкамъ, не говорящимъ по-турецки, вообще нельзя ѣздить безъ мужского эскорта. Изъ-за фотокамеры и телефона отецъ и дочь окунались по очереди – и Марусю, пока она оставалась одна на берегу, сталъ донимать напомаженный, невыносимо благоухающій турокъ. Такъ что Салабинъ съ дочкой и загорали, и купались всего ничего – собрались и вернулись восвояси.

– Мы ѣдемъ въ Иоскюдаръ, – говорилъ Салабинъ дочкѣ. – А на самомъ дѣлѣ это древній греческій посѣлокъ Скутари. Мнѣ одна гречанка сказала.

– А что, въ Турціи греки ещё остались? – удивилась Маруся.

– Самая малость. Мнѣ сказала объ этомъ хозяйка греческаго магазинчика на томъ островѣ, гдѣ мы только что были. Тамъ у нихъ и церковь сохранилась.

Салабинъ умолкъ, чтобы не рассказывать, какъ пыхтѣлъ и сверкалъ турокъ, мужъ гречанки, пока Салабинъ, покупавшій греческое вино, худо-бѣдно бесѣдовалъ по-гречески съ его женой.

На послѣдній выходной старый Лобаченко раздобрился и выдѣлилъ имъ съ дочкой автомашину съ шофѣромъ... Сначала они втроёмъ пообѣдали салатами и креветками въ Каракѣѣ, побывали въ музеѣ Топ-Капы (Пушечныя Ворота), въ Долма-Бахчѣ и, по отдѣльному желанію Маруси, въ магазинъ-клубъ «Бешикташъ», послѣ чего на «своёмъ», анатолийскомъ берегу, ещё застали немного солнца на пляжѣ въ Бостанджи. Эллинскихъ названій этихъ мѣстъ Салабинъ не зналъ: видно, мало были прославлены. Зато фешенебельный Бодрумъ – на самомъ дѣлѣ Геликарнасъ. А подмосковный Ногинскъ – это Богородскъ. Сегодня почти всё – поддѣлка, какъ построенный турками для туристовъ «троянскій конь» въ ихъ «національномъ паркѣ».

Проводивъ Марусю домой, Салабинъ угодилъ, какъ куръ въ ѳщипъ, въ кипящую кастрюлю Измира.

Измиръ, то есть эллинско-славянская Смирна.

Предстоящіе рейсы «Бельмопана» не предполагали его появленія въ Мраморномъ морѣ до истеченія срока судовыхъ сертификатовъ. Значить, хочешь не хочешь, а придѣтся возобновлять сертификаты вдали отъ привычныхъ береговъ.

Дѣло какъ будто рутинное. Но Салабинъ, отработавшій въ пароконствѣ, ясно понималъ – и лучше, чѣмъ клерки Регистра – какое испытаніе ихъ поджидаетъ: «Бельмопанъ» въ Измирѣ стоялъ под выгрузкой порошкового груза: полевого шпата наваломъ. Значить, всѣ иллюминаторы будутъ за-

драены какъ въ космосѣ. Только не въ космическомъ холодѣ, а на знойной широтѣ Измира, Афинъ и Палермо.

– Ярославъ, кондиціонеры на «Бельмопанѣ» дѣйствуютъ? – не скрывая тревоги, спросилъ Салабинъ.

– Это не ко мнѣ, Геннадій Серафимовичъ, это къ Серёгѣ Волкову! Ну, вы же знаете, какъ это въ жизни: сегодня работаютъ, а завтра не работаютъ, – Гринда звонко ляснулъ ладонью о ладонь и ещё звонче размѣялся. – А послѣзавтра – опять работаютъ, чѣртъ побери! Моё дѣло – силовая установка, Геннадій Серафимовичъ. Такъ что насчётъ удобствъ – это къ Серёгѣ!

«Да знаю я! – мысленно отвѣтилъ Салабинъ. – Но ты же, братъ, чаще всѣхъ на судахъ объѣдаешь, могъ бы и въ курсѣ быть...»

Всё оказалось точно какъ предвидѣлось: пылящій грузъ, задраенныя каюты, раскалённый «Бельмопанъ», мокрая отъ пота постель, чугунная голова. Наутро этими головами регистровцы и Салабинъ могли чокаться какъ болванками, а ещё надо было ни много ни мало – включить ноутбукъ, безъ ошибокъ заполнить всѣ болванки документовъ, распечатать, подписать, поставить печать Регистра на результаты *внѣшняго аудита* судна.

Оказалось, что двигаться осмысленно и въ положеніи вертикальномъ – это легче, чѣмъ лёжа ворочаться цѣлую адскую ночь.

Люди Регистра, ребята кабинетные, адскаго опыта закалки не имѣли совсѣмъ, но ихъ поднаторевшій разумъ имѣлъ опытъ иной: они поставили передъ Салабинымъ совершенно конкретный вопросъ. И хотя согласно международному кодексу назначенное лицо на берегу (DPA) имѣетъ *неограниченный доступъ къ первому лицу своей компании* по служебнымъ вопросамъ, Салабинъ переадресовалъ «вопросъ Регистра» – въ этотъ ранній разсвѣтный часъ – Анатолию Лосеву какъ полномочному представителю Семьи.

Тотъ пристыдилъ Салабина («вы могли имъ сами всё пообѣщать») и попросилъ передать трубку молодымъ людямъ Регистра. Въ теченіе разговора регистровца съ Лосевымъ вопросы на его лицѣ разглаживались, смягчѣли – и въ концѣ концовъ оба регистровца, превозмогши зной и дурноту, почти обрѣли свой повседневный видъ.

Покидая бортъ «Бельмопана», они качались подъ слабымъ утреннимъ дуновеніемъ, какъ... какъ тотъ же Салабинъ. А выгрузка продолжалась. Грейферъ крана пылилъ надъ головами – и глаза бы ихъ на него не смотрѣли! Глотнувшій воздуха Салабинъ испыталъ внезапное озареніе: у него не двоится въ глазахъ, ихъ – регистровцевъ – на самомъ дѣлѣ двое, и это потому, что дорога – дальняя, они другъ друга подмѣняютъ за рулѣмъ, и – слава семьѣ Лобаченко! – имъ гарантирована компенсация... А мы, люди «Азова...», и такъ, считай, желѣзные!

Другой экстремальный случай съ Салабинымъ произошёлъ въ декабрѣ – по возвращеніи изъ пиратскаго отпуска.

Старикъ Лобаченко, сопровождаемый Гриндой, пожелалъ посѣтить своего старого пріятеля – капитана на вновь приобрѣтѣнномъ суднѣ. Салабинъ былъ тоже съ ними: чтобы доставить на бортъ грузъ документаціи МКУБ и въ офисъ привезти для своихъ annales капитанскую расписку въ полученіи. (Съ международной ИМО не забалуешь!). Гринда заказалъ портовый катеръ и они отошли отъ причала въ срединѣ дня, чтобы, по расчётамъ хозяина, успѣть къ накрытому въ каютѣ капитана праздничному столу. Посѣщеніе судна Хозяиномъ – *праздникъ сердца* для капитана, тѣмъ болѣе для стараго товарища.

Однако уже штормило, балловъ эдакъ семь. Ерунда для бывалыхъ мореходовъ, привычная тягота. Турецкій рулевой невозмутимо стоялъ у штурвала. Шли къ мѣсту стоянки судна не долѣе полутора часовъ, но штормъ за это время усилился. Девять балловъ – или восемь, гадать не стали; судно было въ грузу по верхнюю марку, расчётъ былъ на то, что карабкаться долго не придѣтся. Несмотря на волненіе, капитанъ вывѣсилъ парадный трапъ. Съ учётомъ комплекціи старика Лобаченко, особенно передней части, штормътрапъ ему былъ противопоказанъ.

Завидѣвъ медленно приближавшійся катеръ, уже нехудо плясавшій на волнахъ, вахтенный доложилъ капитану – и тотъ подошёлъ къ фальшборту у верхней площадки трапа. Взмахи рукъ, привѣтствія – но тщетны были попытки приблизиться къ ступенямъ заливаемаго понизу, то и дѣло

окунаемаго трапа. Рулевой катера невозмутимо и даже отрѣшѣнно продолжалъ свои манѣвры, катеръ то сближался съ дюралевою лестницей, то удалялся, но мгновеній этихъ было недостаточно, чтобы хоть кто-то вскочилъ на ступеньку и ухватился бы за поручень. Казалось, что членовредительство всѣмъ и каждому гарантировано: амплитуда качаній катера была ошеломляющей – и поражала Салабина своей быстротой. Капитанъ и старикъ Лобаченко сохраняли тревожный оптимизмъ, а турокъ рулевой выказывалъ невозмутимое исполненіе распоряженій.

Пляска ихъ суденышка была уже бешеной – и Салабинъ, чѣмъ бы это ни кончилось, испытывалъ восторгъ идиота, цѣликомъ положившись на здравый разумъ начальства. Чуть возгордившись собой со стороны, онъ призналъ, что въ нёмъ-таки что-то есть отъ идиота, но онъ вѣдь столько ждалъ такого! Конечно, и на «Бельмопанъ» попасть ему хотѣлось, но это было не главное.

Однако всё кончилось тѣмъ, что Лобаченко сдался. Капитанъ собственноручно метнулъ линь съ мѣшкомъ на концѣ, куда Салабинъ упаковалъ папку съ тысячей страницъ документовъ, завязалъ мѣшокъ и подалъ знакъ на подъѣмъ.

Въ каменномъ молчаніи троица пассажировъ съ невозмутимымъ рулевымъ взяла курсъ къ причалу съ оставленнымъ автомобилемъ.

Рулевой получилъ свой бакшишъ.

Но главный результатъ экспедиціи остался никѣмъ не замеченъ: Салабинъ порадовался шторму (пожалуй что девятибалльному, спросить было некого) и тому, что его не укачало, – что онъ, выражаясь языкомъ заклятыхъ англичанъ, is a good sailor*, что онъ готовъ былъ сигануть на ступеньку трапа, если бы рѣшили «взять пароходъ на абордажъ».

Было бы это безразсудствомъ? Неважно. Онъ почуялъ запахъ роковой минуты. Когда втроемъ сядились въ машину, Салабинъ, въ отличіе отъ спутниковъ, былъ полонъ чувства свершенія, хотя къ этому примѣшивался привкусъ украденной побѣды. Какъ съ нами было не разъ на протяженіи русской исторіи.

Островъ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Салабинъ ещё въ первый годъ стамбульской жизни задумывался, какъ бы ему воспользоваться географической близостью Эллады и бывшей Византіи; онъ пошарилъ въ Сѣти по турецкимъ турагентствамъ, но этотъ путь оказался очень сложень: проще было попасть на «турецкую республику Сѣвернаго Кипра», чѣмъ на территорію, гдѣ свободно звучитъ эллинская речь; выборъ маршрутовъ былъ скудень, и цѣна сильно превышала разумные запросы. Похоже было на то, что изъ Турціи ѣздили въ Грецію только по дѣламъ приграничной торговли – какъ островитянка Антигони, державшая лавку греческихъ винъ и сыровъ. Но Салабину былъ нуженъ островъ Пѣтмосъ – съ пещерой св. апостола Иоанна Богослова. Официальный сайтъ Патмоса Геннадій изучилъ вдоль и поперѣкъ, познакомился съ разными греческими компаніями по обслуживанію туристовъ, но не находилось такого сайта, чтобы обслужить гостя изъ Константинополя.

Къ тому же хотѣлось посѣтить Патмосъ не въ составѣ группы, а самостоятельно, чтобы чувствовать себя настоящимъ путешественникомъ. Въ концѣ концовъ онъ созвонился съ одной фирмой въ московскомъ Китай-городѣ и началъ разговоры съ милой дѣвушкой Леной – настолько съ ней подружились, что даже ея фамилію сталъ воспринимать какъ греческую: Пѣллу.

Для турфирмы салабинскій случай, при всѣй его необычности, трудности не представлялъ, даже наоборотъ: кліента ни подвѣрстывать къ какой бы то ни было группѣ не надо, ни стыковать къ расписаніямъ: онъ самъ себѣ режиссёръ и менеджеръ; онъ застрахованъ, если на то пошлѣ. Но ему-то какъ разъ предстояли трудности: анкеты и паспортъ Салабина должны были попасть въ Москву къ Еленѣ, а отъ нея – въ руки греческаго консула, чтобы затѣмъ уже паспортъ съ греческой визой могъ бы – неизвѣстнымъ пока образомъ – оказаться на столѣ у Салабина въ «Азовѣ Интернэшналь». Такъ это рисовалось въ фантазіяхъ у Салабина. Онъ даже наивно думалъ обратиться

* Хорошо перенѣсать качку (англ.), буквально: «хорошій морякъ».

къ младшему Лобаченко, собиравшемуся въ командировку въ Москву... Ясно какъ день, что такое обращеніе ему бы даромъ не сошло.

Однако Лена изъ турфирмы фантазёркой не была. Она предложила Геннадію единственно возможный вариантъ: воспользоваться авіапочтой.

– Вышлете документы цѣннымъ письмомъ и точно такъ же получите паспортъ съ визой. А билетъ потомъ закажете черезъ интернетъ, съ вылетомъ хоть изъ Питера, хоть изъ Москвы.

– Какъ-то неохота довѣрять паспортъ авіапochtъ.

– Какой вы интересный! А свою жизнь вы самолѣту довѣрите?

– Такъ вѣдь, снявши голову, по паспорту не плачутъ!

– Шутки въ сторону, молодой человекъ! Тамъ у васъ что – видъ на жительство? Даже паспортъ если пропадетъ – это не смертельно: восстановите. Вы же тамъ не одинъ! Паспорта и безъ почты теряются...

Этимъ доводомъ всё было рѣшено. Салабинъ перевелъ фирмѣ оплату услугъ, отправилъ паспортъ съ бумагами и, успокоенный практицизмомъ Лены Пелихъ, сталъ ждать.

Менѣ чѣмъ черезъ мѣсяць, сидя въ жаркомъ воздухѣ Пирея на причалѣ – въ ожиданіи своего Blue Star 1 (что, даже греки склонились передъ этимъ англійскимъ?!) – онъ спрашивалъ себя почти съ удивленіемъ: «Зналь ли я ещё восемь лѣтъ назадъ, для чего изучаю греческій? Ну точно не ради оригинальныхъ буковокъ!...»

...Хотя къ той порѣ ему уже смертельно наскучили буквы англійскія.

Тамъ же, на причалѣ Пирея, Геннадій пожалѣлъ, что сына нѣтъ рядомъ. Онъ звалъ его въ прошломъ году и на Босфоръ (куда виза не нужна), но тотъ отказался: что, моль, тамъ дѣлать?

Конечно, служба и учёба въ вузѣ МВД его цѣликомъ поглощаетъ, но при этомъ куда-то исчезаетъ родственная связь, хотя крѣпкой она и такъ не была. Когда сына навѣщаль въ Калининградъ, тогда чувствовалось: для Ростислава это событіе, можетъ, – и маленькій праздникъ. По возвращеніи сына съ Кавказа, когда отецъ ещё въ туретчину не собирался, они съѣздили въ Старую Ладугу на машине (её потомъ отецъ оставилъ Ростиславу). Древняя крѣпость и невозмутимый Волховъ Ростикъ понравились, хотя ни слова онъ объ этомъ не сказалъ. Но черезъ годъ или два пришла неожиданная эсэмэска: «Ты знаешь, гдѣ я? Въ Старой Ладогѣ!» Значить, не забылъ!

А въ прошлый отпускъ отца Ростикъ устроилъ имъ съ Марусей рыбалку на Карельскомъ перешейкѣ. Теперь же вѣсти отъ него совсѣмъ не поступаютъ. Воспитанія нѣтъ. Ему позвонишь – и слышишь вопросъ: «Чего хотѣлъ?» А въ вопросѣ слышится досада.

Уходя въ армию, на шею крестикъ попросилъ. Съ Кавказа вернулся пустошей – и заявилъ, что «бога нѣтъ». Но надо имѣть хотя бы понятіе – о томъ, чего якобы нѣтъ. То, о чёмъ говоришь, – уже *поэтому* есть. Можетъ, ты вернулся цѣлымъ и здоровымъ не потому, что «бога нѣтъ», а потому что за тебя отецъ молился? Только здоровымъ ли вернулся Ростикъ?

Однако приближалось время посадки на автобусъ, доставляющій людей къ парому, а онъ всё не появляется. Табличка надъ головой подтверждаетъ, что это мѣсто посадки въ автобусъ, всё вѣрно. Да и фанатъ-американецъ, держатель сайта о Греціи («How to get to a Greek island»), прямо увѣряетъ: сразу по выходѣ съ вокзала, какъ набережную пересекъ – тутъ тебѣ и λεωφορείο. Анъ нѣтъ: пустой причалъ, только красавцы паромы на горизонтѣ – да шеренга ихъ у поперечнаго пирса...

А что за автобусъ справа въ трёхстахъ метрахъ? Салабинъ схватилъ свою тачку-чемоданъ и пустился рысью... За двадцать шаговъ до цѣли онъ видитъ, что дверь плавно закрывается... Подлетѣвъ къ этой двери, онъ открылъ было ротъ для крика, но дверь опять отошла картинно въ сторону – и Салабинъ увидѣлъ гущу лицъ, глядящихъ на него изъ дверей.

– Этотъ леοφορείο хорошъ для Blue Star One? – выпалилъ Салабинъ – и услышалъ краткое «yes».

Автобусъ оказался хорошъ для нѣсколькихъ паромовъ сразу – но почему онъ всталъ не тамъ, гдѣ ждалъ его довѣрчивый Салабинъ?

Зато на борту – и на борту подъ греческимъ флагомъ! – хотя и съ англійскимъ названіемъ, онъ влился въ нѣсколько сотенъ палубныхъ, то есть безкаютныхъ, пассажировъ, облюбоваль себѣ одно изъ пустующихъ кресель и сталъ глазѣть съ восторженно-полоумнымъ видомъ на будущихъ попутчиковъ.

– Э’хетэ парѣа, кіріе? – спросилъ подошедшій мужчина и повѣлъ рукой на пустуюящія кресла рядомъ съ Салабинымъ.

– Охи, – со всѣмъ радушіемъ возразилъ Салабинъ. – Сась паракалó.

Грекъ подаль знакъ подходившимъ женщинамъ, коихъ разговоръ мгновенно оживился. Салабинъ улавливалъ отдѣльныя фразы – и радовался, хоть что-то понимая, но огорчался, когда слышалъ знакомыя и, увы, забытыя слова.

Очень скоро его спросили, откуда онъ.

– А откуда изъ Россіи? Изъ Петербурга? А мы всѣ изъ Агринью. – А это гдѣ? – спросилъ Салабинъ. – Между Афинами и... Я’ниной – ну, или островомъ Корфу.

Салабинъ похвалился знаніемъ настоящихъ греческихъ названій:

– Я знаю Йоáннину, и Кѣркиру тоже. По фильмамъ.

Агриньонцы достали домашнюю снѣдь и стали подкрѣпляться, угощая Салабина. Онъ похвалилъ пирожки. Женщина среднихъ лѣтъ указала на мужчину, подошедшаго первымъ:

– Его мама дѣлала!

Самъ же Салабинъ, какъ простофилъ и положено, ничѣмъ не могъ попотчевать своихъ добрыхъ попутчиковъ.

Гладь моря мерцала далеко внизу, машина корабля была совсѣмъ не слышна, они двигались навстрѣчу завтрашнему восходу, удаляясь от солнца, садившагося за кормой – и тьма начинала обволакивать громаду воды.

Мимо проплывали порой огоньки острововъ, но первой остановкой былъ Сіросъ – заповѣдникъ ночныхъ развлеченій молодѣжи. Молодая часть компаніи тамъ и вышла, было около трѣхъ ночи. Остальные агриньонцы шли до Хиоса, это за Патмосомъ. Ночь приглушила разговоры, усыпила любопытство – и когда Салабинъ прощался передъ сходомъ на берегъ, ему улыбались и говорили «настѣ калá».

Въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ на островѣ неясныя тѣни вздымали плакаты отелей и пансіоновъ; Салабинъ назвалъ себя человѣку, державшему знакомое названіе пріюта, а тотъ назвалъ въ отвѣтъ и пожалъ ему руку, послѣ чего окликнулъ стоявшую поодаль жену и они проводили Салабина къ запаркованной машинѣ.

* * *

Прибытіе парома нарушило сонъ сразу нѣсколькимъ десяткамъ островитянъ, вышедшимъ навстрѣчу, но таковъ ихъ экономической интересъ. А ужъ намъ, прибывшимъ, самъ Богъ велить не спать: мы-то вѣдь путешествуемъ!

Салабинъ получилъ ключъ отъ номера на второмъ этаже и краткій инструктажъ насчетъ кухни и самообслуживанія, принялъ душъ и брякнулся на бѣлоснѣжную постель, коихъ въ номерѣ было двѣ. Сонъ не торопился принять его къ себѣ – или всё же это былъ сонъ, сотканный изъ афинскихъ, морскихъ, теле- и журнальныхъ впечатлѣній, куда встрѣвали мифы, горгоны, медузы, реформы Перикла, спартанскіе нравы и пресловутый долгъ эллинской республики Евросоюзу. Далѣ случилось расщепленіе сознания: Салабинъ спорилъ съ редакторомъ Вельзевуломъ, отказавшимся печатать статью под заглавіемъ «Почему Западъ разрушаетъ Грецію», потому что написалъ её никому не извѣстный Салабинъ, но Геннадій четко помнитъ, что уже читалъ её на греческомъ сайтѣ. Значить, споръ идѣтъ о ея содержаніи – о чѣмъ же ещё? Вельзевуль отказывается разговаривать и обращается въ спящаго на скамьѣ афинскаго бездомнаго – тотъ растянулся вдоль улицы Адриану. А Салабинъ уже стоитъ передъ запертымъ Эллинскимъ Національнымъ Центромъ Книги – ЕКЕВІ – стеклянныя двери котораго забраны металлической решѣткой, хотя люди внутри спуютъ. Но противорѣчія здѣсь нѣтъ, всё правильно: кивѣрниси* приняло рѣшеніе сей центръ закрыть въ благородныхъ цѣляхъ

* Правительство.

економії. Въ этотъ мигъ у дверей оказался разносчикъ мороженаго съ напитками, онъ способенъ проходить сквозь запертыя двери, и Салабинъ проникаетъ вслѣдъ за нимъ. На стѣнахъ читаются программные плакаты о переводахъ эллинскихъ писателей на англійскій языкъ – и наоборотъ. «Я иностранецъ, – важно объявляетъ очевидное Салабинъ, – у меня предложеніе отъ питерской лавки писателей...». Но лица передъ нимъ расплываются безъ тѣни улыбки на нихъ. Салабинъ выходитъ на улицу – прямо въ садикъ передъ той гостиницей, гдѣ лежать его вещи, а садикъ граничить съ крохотнымъ котлованомъ археологовъ, со дна котораго торчатъ нѣсколько античныхъ колоннъ. «Прикоснись! Прикоснись!...», – шепчетъ русскій туристъ своей дѣвушкѣ – Салабинъ слышалъ это на Акрополѣ, среди отполированныхъ подошвами камней. Значить, онъ ещё въ Афинахъ. Изъ окна его номера видѣнь Акрополь – та его сторона, въ скалистомъ основаніи которой зияетъ чѣрная дыра пещеры, а чуть въ сторонѣ и выше, на углу Акрополя, всегда толпятся люди. Салабинъ радостно удивляется своей догадкѣ, что тамъ онъ былъ не ради Акрополя, а чтобы съ Акрополя увидѣть Афины, – и съ этою догадкой просыпается. Отчего мнѣ радостно? – думаетъ онъ.

Онъ на Патмосѣ, онъ на островѣ. Сюда былъ сосланъ апостоль Иоаннъ Богословъ и здѣсь онъ записалъ «Апокалипсисъ», а потомъ императоръ выстроилъ на вершинѣ острова громадную крепость – монастырь Иоанна. Только вряд ли тамъ ступала нога апостола... Его келья была внизу, въ пещерѣ, которую надо ещё отыскать на картѣ.

А что за день сегодня? Пятница. Параскеві. За первые два дня надо... прикоснуться къ грекамъ. Къ сегодняшнимъ. Поговорить, или попытаться, съ Михалисомъ. На Патмосѣ это имя не рѣдкость. Это вообще на островахъ особенность: повторяемость фамилій и нѣкоторыхъ имёнъ, стоитъ только кликнуть каталоги пансионовъ и гостиницъ.

Прикоснуться къ грекамъ... Какъ когда-то онъ прикасался – къ литовцамъ.

Только бы не сглазить.

* * *

Очертанія Патмоса причудливы, словно онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ высокихъ острововъ, соединѣнныхъ внизу перешейками. Каждый такой «островъ» испещрѣнь зелѣными пятнышками – эта бѣдная трава къ июлю пожелтѣетъ. Островитяне перемѣщаются на мотороллерахъ, на автомобиляхъ или на автобусахъ національной компании КТЕЛ. Особенно восхищаютъ матери семействъ: она управляетъ мотороллеромъ, у неѣ между коленъ трое дошколятъ, а дѣвочка постарше сидитъ у ней за спиной. Случай уже не единичный.

Салабинъ спустился по крутой лестницѣ и выходитъ къ набережной, минуетъ точку «Услуги: Душъ, Интернетъ» (для яхтсменовъ), идѣтъ мимо кладбища и двухъ продовольственныхъ магазиновъ къ длинной полосѣ прибрежныхъ кафе и тавернъ, которые завершаются морскимъ причаломъ (тамъ его и подобрали Михались съ женой) и полицейскимъ участкомъ.

На Патмосѣ – ни рѣки, ни ручейка. Воду доставляютъ морскимъ путѣмъ, а зимой собираютъ дождевую – въ резервуары на крышахъ. Землю для огородовъ тоже собираютъ – и потомъ защищаютъ отъ жестокихъ ливней каменной кладкой пристѣнковъ.

Михались по основной профессіи строитель. У него дочь врачомъ въ Афинахъ, а сынъ – школьникомъ здѣсь на островѣ. Пансионъ Михалиса почти пустъ: какая-то семья внизу и одинъ Салабинъ наверху. О сосѣдяхъ Геннадій догадался по громкому хлопанью дверей рано утромъ, поздно вечеромъ и по дѣтскимъ голосамъ – какъ будто на нѣмецкомъ языкѣ.

Вечеромъ интересно смотрѣтъ съ балкона на густѣющія сумерки, на изрѣзанную почернѣлыми вершинами горъ полосу жѣлто-розоваго, быстро темнѣющаго неба, и на бѣгушіе безъ усталости вдоль высокой автодороги жѣлтые, бѣлые, красные огоньки.

А надо всѣмъ этимъ – недвижная громада, вершина и твердыня: Иера Моні Агіу Іоάνну Теологу, тѣмный на протяженіи дня и сіяющій ночью.

* * *

Салабинъ привѣзъ хозяевамъ пансіона скромные подарки: альбомъ цвѣтныхъ фотографій Петрограда и бутылку хорошей водки – да съ ними всё никакъ не повстрѣчатся. Только къ вечеру пят-

ниці показався Михались съ коробомъ бѣлья и сталь его утѣжить на кухнѣ. Вѣроятно, не хочетъ грѣть воздухъ у себя въ домѣ.

Альбомъ онъ бережно ладонью погладилъ, а водку приподнялъ и бодро сказалъ:

– Оа та пѹмэ, э*? – что примѣрно означало «обсудимъ», или по-русски – «приговоримъ». Но бутылку отставилъ и тутъ же забылъ о ней, принявшись за простыни и скатерти. Вскорѣ Салабинъ понялъ, что пансіономъ занимаются только кѹріос και курία**, безъ наёмнаго персонала. Жена Михалиса мыла полы въ номерахъ, а онъ теперь гладитъ бѣлье и прихватываетъ другія дѣла, помимо дѣлъ на стройкѣ.

«Клеветычъ нѣмцы и голландцы, будто греки заняты только пѣснями и любовью, а сѣверъ Европы на нихъ работаетъ!» А толкомъ не поговорили съ Михалисомъ. Правда, выяснилъ Геннадій, что служить въ пещерѣ Апостола съ восьми утра.

Зато поговорили во второй половинѣ дня въ воскресенье; Салабинъ специально припасъ бутылку добраго ўзо и, по собственному разумѣнію, сыра, овощей и оливокъ. Оказалось, что Михались родился въ Австраліи, но по окончаніи школы онъ съ родителями вернулся домой, «чтобъ не сдѣлаться австралійцемъ». «Потому что Эллада – это Эллада!». Салабинъ въ этомъ горячо его поддержаль. Михались сказалъ, что женѣ его понравились виды Петербурга, а Салабинъ торжественно заявилъ, что его домъ къ услугамъ четы Яннарисовъ, какъ только они надумаютъ посѣтить берега Невы. Однако Михались не скрылъ своего скепсиса насчётъ такой возможности.

Въ остальные дни Салабинъ людямъ занятымъ не досаждалъ. Онъ позволилъ себѣ посѣтить двѣ-три таверны въ разныхъ частяхъ острова, побывалъ на нѣсколькихъ пляжахъ, совершая къ нимъ немалые маршъ-броски, и одолѣлъ нелѣгкий по жарѣ подъѣмъ на вершину острова – къ его столицѣ Хорѣ, прижавшейся бѣлыми домиками почти къ стѣнамъ монастыря. Хора – это страна, это мѣстность, это и столица почти каждаго греческаго острова; эта столица привѣтила его бодрымъ кукареканьемъ пѣтуховъ.

Но главнымъ событіемъ должно было стать посѣщеніе обители Іоанна Богослова – пещеры ссыльнаго апостола. Такимъ оно и стало.

Въ семь утра Салабинъ поднялся и послѣ краткой молитвы отправился въ путь. Предстояло пройти не болѣе четырёхъ километровъ, слѣдуя указаніямъ дорожныхъ стрѣлокъ, сдѣланныхъ по большей части отъ руки. И тутъ искуситель вынудилъ его ошибиться: на одномъ изъ поворотовъ Геннадій не замѣтилъ стрѣлку и полетѣлъ далѣе вперѣдъ. Пролетѣвъ по ложной дорогѣ съ километръ, онъ заподозрилъ неладное и вернулся къ послѣднему замѣченному знаку; оттуда понадобилось подняться влѣво по мощёной булыжникомъ дорогѣ, что вывела на узкую тропу, идущую по каменному гребню черезъ рошу... Здѣсь табличка сообщила, что до пещеры Апокалипсиса осталось совсѣмъ ничего.

«Апокаліпсисъ – это Откровеніе», – пояснилъ Салабинъ, какъ если бы съ нимъ рядомъ находился спутникъ, нуждавшійся въ такомъ объясненіи (хорошо бы сынъ и дочка!).

Выйдя на открытую площадку, онъ увидѣлъ невзрачный павильонъ о двухъ окошкахъ по фасаду – притомъ разной величины и на разныхъ уровняхъ отъ земли.

«Ну, это не пещера! – сообразилъ Салабинъ, – развѣ что входъ въ контору...»

Тутъ же онъ замѣтилъ каменные ступени, идущія внизъ, и началъ по нимъ спускаться. Нѣсколько шаговъ – и снизу послышалось ангельское пѣніе. «Опоздалъ!» – обожгла его мысль.

Въ покаянномъ состояніи духа онъ преодолѣлъ послѣднія ступени и осторожно заглянулъ въ пріотворѣнную дверь, за которой всё уже стихло...

Каково же было его удивленіе, когда онъ обнаружилъ только священника, возжигавшаго свѣчи и выставившаго крестики и медальоны на подвѣскахъ. Салабинъ подошѣлъ подъ благословеніе, а потомъ пріобрѣлъ медальонъ съ образомъ Апостола. Далѣе, пока храмъ-пещера наполнялась людьми, онъ читалъ поясняющіе тексты (всѣ на греческом!), а затѣмъ пришлось позаботиться о выборѣ пространства, куда бы стать.

Было ещё одно удивленіе. Чуть впереди Салабина молился сѣдобородый челоуѣкъ ни дать ни взять самаго русскаго вида. Онъ очень походилъ на церковнаго историка Николая Кузьмича, съ которымъ былъ знакомъ Салабинъ, – хоть и не близко.

* Пишемъ русскими буквами, потому что въ греческомъ письмѣ вопросительнымъ знакомъ служить;

** Господинъ и госпожа. (греч.)

Мѣшать молящемуся не сталъ. Но когда появились около десятка молодыхъ людей – дѣвушки въ длинныхъ юбкахъ и двое-трое юношей – Салабинъ уже не сомнѣвался: они съ Николаемъ Кузьми-
чомъ.

Преждѣ чѣмъ началась литургія, они признали другъ друга безъ удивленія и облобызались. «Мы отбываемъ сегодня», – предвосхищая вопросы, сказалъ Николай Кузьмичъ. – А у меня ещё три дня, – отвѣтилъ Салабинъ. Онъ ничѣмъ не собирался заполнять эти дни. Не будучи ни учёнымъ историкомъ, ни богословомъ, онъ не ставилъ себѣ цѣли непременно побывать въ монастырѣ...

Когда присутствующіе въ пещерномъ храмѣ стали выстраиваться къ чашѣ эвхаристіи, Николай Кузьмичъ отвѣтилъ на нѣмой вопросъ Геннадія: да, паломниковъ здѣсь причащаютъ безъ исповѣди. (Во вниманіе къ дальней дорогѣ и покаяннымъ въ ходѣ нея размышленіямъ, – сказалъ себѣ Салабинъ, желая вдругъ всё объяснить.)

И это ли не главное событіе года, десятилѣтія и всѣй удивительной жизни твоей – причаститься Христовыхъ Тайнъ въ кельѣ Иоанна Богослова!

* * *

Послѣ Греціи у Салабина оставалась почти цѣлая недѣля отпуска – полные пять дней. Они принадлежали Петрограду. Дочка поступала въ институтъ и встрѣтитъ папу не общала, поэтому Салабинъ въ день прилёта чувствовалъ себя одиноко и свободно.

Маруся рѣшила поступать въ одну изъ постсоветскихъ «академій», обучающихъ молодёжь сложной комбинаціи «народнаго хозяйства, права и управленія», такъ что было непросто догадаться, кѣмъ она оттуда выйдетъ. У непростыхъ родителей дѣти стануть госчиновниками, бюрократами, депутатами – но кѣмъ станеть его дочь?

А отцу – платить за это непонятное «образование» цѣлыхъ пять лѣтъ. Не то чтобы жалко денегъ; жалко обманутыхъ студентовъ, которыхъ обучаютъ растерянные либо циничные преподаватели. Есть, правда, такая безстыжая истина: дѣвушкѣ важна не компетенція, а документъ и счастье въ жизни.

* * *

Всѣ же они повстрѣчались – отецъ и сынъ. Въ ближайшей выходной Ростиславъ повѣзъ отца и сестру на озеро Пионерское – на старомъ отцовскомъ Ижѣ-2126, которымъ пользовался по довѣренности.

О себѣ рассказалъ, что служба тяжѣлая, онъ какъ замѣститель командира взвода ВВО (внѣведомственной охраны) отвѣчаетъ за укомплектованность дежурныхъ смѣнъ, а народъ научился «косить» отъ исполненія обязанностей подъ любымъ благовиднымъ предлогомъ. Просто пластаешься передъ ними – то грозишь, то упрашиваешь. Платятъ уже не такъ, какъ было при Ельцинѣ, но «косить» народъ не разучился.

– А какъ было при Ельцинѣ? – спросилъ Салабинъ.

– А то ты не знаешь! Разстрельщикам – отъ пуза, а остальным...

– А остальные – обуза! – срифмовалъ Салабинъ, вызвавъ усмѣшку у сына.

На рыбалкѣ они набрали ведро краснопѣрой мелочи (ловиль-то одинъ Ростиславъ, отецъ и сестрѣнка смотрѣли), сварили на кострѣ ухи и заночевали въ палаткѣ. Въ слѣдующій выходной Ростислава отецъ предложилъ поѣздку въ Старую Ладугу, на Волховъ: помнишь, сынъ, какая тамъ въ крѣпости сирень цвѣла?

– А въ ноябрѣ какая сирень?

– Но рыба тамъ всё-таки есть!

Однако Ростикъ не проявилъ готовности къ такой поѣздкѣ.

«Надо будетъ парня расколоть, не влюблёнъ ли онъ, – сказалъ себѣ Салабинъ. – Да и Маруся не очень мнѣ понятна...» Но эти подозрѣнія сами собой оставили его, не питаемая больше новыми впечатлѣніями. Маруся ходила въ школу, гуляла съ подружками, порой и Салабинъ видѣлъ её съ ними, и дочка потомъ сообщала «по секрету», кому изъ подружекъ онъ «понравился». А видѣться съ Ростиславомъ больше не довелось, тяжѣлая служба не оставляла парню просвѣта: то «усиленіе» въ

связи съ прибытіємъ президента, то въ связи съ террористической угрозой. Зато однажды сынъ позвонилъ и доложилъ ему съ дѣтской похвальбой, что стоялъ на мосту въ дозорѣ, а подь нимъ проходилъ президентскій катеръ съ американцами – и Ростикъ прямо подь собой видѣлъ президентскую лысину.

– Прикинь, а, папъ?..

– И что онъ тебѣ сказалъ?

– Такъ онъ же меня не видѣлъ! Только я его...

– Ну хорошо, молодець, ты выполнилъ служебный долгъ.

А слѣдующая мысль тревогой закралась къ нему въ душу: всегда ли служебный долгъ совпадаетъ съ долгомъ защитника Отечества? Понятно, что не всегда... Но не лучше ли додумать завтра, когда буду въ клубѣ «Русской мысли»?

Передь входомъ въ зданіе проектного института на Аэродромной, домъ 4 бесѣдовала группа представительныхъ мужчинъ средняго возраста и съ ними женщина. Знакомыхъ среди нихъ Салабинъ не увидѣлъ – и вошѣлъ въ вестибюль. Конечно, на разставленныхъ столахъ были разложены брошюры и книги, продаваемыя ихъ авторами почти безъ нацѣнки. Патріотическія изданія не признавались фирменной книготорговлей въ качествѣ товара и къ реализаціи не принимались.

«А ты ждалъ перемѣнъ къ лучшему, Геннадій? – упрекнулъ себя Салабинъ. – Онѣ берутся только съ бою!»

Онъ прошѣлъ въ актовъй залъ, увидѣлъ его хорошую заполненность, искалъ глазами знакомыхъ, никого не нашѣлъ и вышелъ къ торгующимъ книгами. Увидѣлъ нѣсколько названій, уже имѣвшихъ въ его библіотекѣ – «Анатомію измѣны» Виктора Кобылина, «Русскую симфонію» митрополита Іоанна – но были и новинки: «Близъ есть, при дверехъ...» С.А. Нилуса, учебникъ церковно-славянскаго языка, брошюры К.П. Победоносцева и св. Іоанна Кронштадтскаго... Беря въ руки ту или иную книгу, Салабинъ не обращалъ вниманія на стоящаго чуть поодаль человекъ, который за нимъ наблюдалъ.

Онъ вообще не смотрѣлъ туда, гдѣ предлагали свой товаръ авторы *альтернативной исторіи*, политической фантастики и новыхъ взглядовъ на происхождение Вселенной. Но человекъ, наблюдавшій за Салабинымъ, къ тому участку базара тоже не имѣлъ отношенія: онъ просто оказался въ той точкѣ, откуда было удобно видѣть и обложку листаемой Салабинымъ книги, и его лицо.

– Обратите вниманіе вотъ на эту... – сказалъ этотъ человекъ, стоя уже рядомъ съ Салабинымъ, и Геннадій обернулся.

Человекъ съ профессорской бородкой и усами, темноволосый, въ залысинахъ, чуть постарше Салабина, показывалъ ему книгу въ мягкой блѣдной обложкѣ, такъ что Салабинъ, преждѣ чѣмъ увидѣть ея названіе, прочѣлъ внизу на тѣмно-синемъ тлѣ серійное имя: «Русскія думы».

– Вы авторъ? – спросилъ Салабинъ, но приглядѣвшись, прочѣлъ и титуль: «Нація и имперія въ русской мысли начала XX вѣка».

– Это сборникъ нашихъ выдающихся умовъ, – отвѣтилъ незнакомецъ, и умолкъ, продолжая держать эту книгу.

Салабинъ улыбнулся и взялъ её. Изъ набора авторскихъ имёнъ онъ зналъ только Розанова, Михаила Меньшикова и П.Б. Струве, но аннотація обѣщала много новаго. Книгу онъ эту купилъ. И они вдвоёмъ съ неизвѣстнымъ господином (товарищем?) отправились въ залъ: звучалъ уже второй звонокъ. Сѣсть имъ удалось рядомъ, хотя Салабинъ такой цѣли не преслѣдовалъ. Онъ искоса присматривался къ незнакомцу: «Чѣмъ это я привлѣкъ его вниманіе?» Окинувъ взоромъ залъ, онъ не скрылъ своихъ сомнѣній:

– Кого здѣсь только нѣтъ! Всѣ, кому не лень!

– Это, съ одной стороны, хорошо, – отозвался сосѣдъ. – Но съ другой стороны, это плохо... Входи кто хочеть, будь ты хоть трижды американцемъ изъ...

– ...изъ ФСБ! – бодро вставилъ Салабинъ, а сосѣдъ внимательнѣе присмотрѣлся къ нему:

– Примѣрно это, конечно, я имѣлъ въ виду.

Покопавшись въ нагрудномъ карманѣ пиджака, онъ хмыкнулъ:

– Опять я визитныя карточки забылъ... Дмитрий Михайловичъ Красовъ, преподавалъ въ разныхъ вузахъ, философъ по образованію.

Салабинь пожаль протянутую руку:

– Салабинь, Геннадій Серафимовичь, морскія перевозки. Впервые здѣсь у вась.

– Да я здѣсь тоже – не такь чтобы свой, – покачалъ головою Красовь. – Но надежда умираеть послѣдней...

Тутъ за столомъ президіума стали провѣрять микрофонъ, въ динамикахъ прозвучали начальныя слова ведущаго – и на Красова съ Салабинымъ зашикали.

Ведущій, невысокаго роста худощавый сѣдой мужчина, изъ-за бѣлой шевелюры казавшійся краснолицымъ, былъ знакомъ Салабину по недавно вышедшему видеофильму «Россія съ ножомъ въ спинѣ», а рядомъ съ нимъ возвышался великанъ съ пегой «православной» бородой – одинъ изъ авторовъ фильма, главный редакторъ «Руси Православной». Его Салабинь тоже узналъ, будучи подписчикомъ его электронной разсылки.

– А главъредь «Русской линіи» бываетъ здѣсь? – спросилъ онъ шѣпотомъ Красова.

– Такого не знаю, – шепнулъ ему тотъ.

Ведущій, профессоръ-юристъ, объявилъ, что обѣщанный ранѣе докладчикъ изъ Москвы, патриотическій депутатъ Госдумы, не пріѣхалъ по независящимъ отъ него причинамъ, зато гость, запланированный на слѣдующій мѣсяць, бывшій замѣститель предсѣдателя Госдумы и ректоръ московскаго вуза, твѣрдо намѣренъ быть.

По залу пробѣжала звуковая рябь недовольства.

– Это что, походъ въ театръ на любимаго артиста? – подумалъ объ этомъ недовольствѣ Салабинь.

Профессоръ коснулъ ряда послѣднихъ новостей и сталъ говорить о родимыхъ пятнахъ главнаго тренера россійской федераціи дзюдо и постразвитія, который, какъ истый сибарить, является на службу лишь къ обѣду – утомлѣнный вчерашними утѣхами со свѣтскими львицами... И подписываетъ готовыя бумаги, подsunутыя совѣтниками института Гайдара-Чубайса-Бурбулиса.

Это было только присказкой. Послѣ профессора внушительный редакторъ «Руси Православной» разсказалъ объ исторіи созданія фильма, который будетъ сейчасъ показанъ «участникамъ клуба».

Салабинь обернулся къ Красову и съ удручѣннымъ вздохомъ спросилъ:

– Какъ по-вашему, Дмитрій Михалычь, тайну беззаконія возможно одолѣть «круглыми столами» и митингами?

– Но вѣдь сначала надо собрать массу... – пробормоталъ, задумавшись, Красовь.

– Давно уже собирають, слишкомъ давно... – прошепталь Салабинь. – Сколько за годъ соберуть, столько за годъ и теряють!..

– Динамическое равновѣсіе! – подтвердилъ философъ и съ утроеннымъ вниманіемъ воззрися на Салабина.

Они уже съ трудомъ терпѣли собесѣдованіе зала и соведущихъ, потому что вопросы стали разбѣгаться во всѣ стороны: отъ «почему провалился ГКЧП?» до «какъ можно поступить къ вамъ въ аспирантуру?».

Предсѣдатель, какъ бы въ отвѣтъ на мысли Салабина, сказалъ, что перерыва не будетъ: заль оплаченъ за три часа подрядъ и тратитъ дорогое время на перекуръ – недопустимое расточительство. Послѣ этихъ словъ нѣсколько человекъ въ разныхъ концахъ зала встали и направились къ выходу.

Философъ вопросительно посмотрѣлъ на Салабина, но тотъ неопредѣленно пожалъ плечами. Всѣ-таки встать на виду всего благочестиваго собранія ему казалось вызывающимъ поступкомъ. Но и смотрѣть уже видѣнный фильмъ не хотѣлось.

– А вы фильмъ этотъ видѣли? – спросилъ онъ Красова.

– Нѣтъ.

– Давайте тогда останемся. Потомъ обсудимъ.

Оба ведущіе сегодняшняго собранія были на экранѣ въ числѣ запечатлѣнныхъ ораторовъ. Особенно искренно и гнѣвно выступалъ профессоръ-юристъ, бичуя этнической, грабительской и вызывающе циничный характеръ «приватизаціи».

– Какъ ещё спецслужбы этотъ фильмъ не изымають? – изумился Красовь.

– Я самъ не пойму. Но профессоръ, между прочимъ, – полковникъ советскаго КГБ. Видно, ещё переходный періодъ не закончился.

– А вы знакомы съ нимъ? – спросилъ Красовь.

– Нѣтъ. Но читаль въ интернетѣ.

Красовъ хотѣлъ признаться, что не друженъ с интернетомъ и съ компьютеромъ, но тутъ снова на нихъ зашикали – и они замолкли до самага окончанія оплаченного времени.

Отъ метро «Пионерской» они доехали до Невскаго и, вмѣсто того чтобы разѣхаться, поднялись на поверхность и стали «бесѣдовать вдоль канала Грибоѣдова». Согласились, что просмотрѣнный фильмъ преподноситъ вещи уже извѣстныя – только въ обобщѣнно-концентрированномъ видѣ. И тогда это, подкреплѣнное цифрами (многими уже забытыми), глубоко впечатляетъ, но...

– Но пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится! – напомнилъ Красовъ старую пословицу, а Салабинъ подумалъ, что пословица, конечно, не о религіозности мужика, а о человѣческой безпечности и, вѣроятно, трусости.

Вскорѣ оба «перешли на личности», рассказывая о себѣ.

– Мнѣ жизнь давала поводы задуматься о философіи, – говорилъ Салабинъ, – но я постепенно сталъ думать о ней какъ объ исторіи человѣческихъ заблужденій. Вы согласитесь?

– И да, и нѣтъ... Давайте посмотримъ на исторію вообще! Если мы увидимъ, что общая исторія складывается изъ отдѣльных исторій, тогда исторія философіи тоже получитъ своё законное мѣсто. Смотрите-ка: есть исторія племён и народовъ, исторія экономическихъ укладовъ, исторія техники, естествознанія, геологическая исторія... И вотъ вамъ исторія философіи, естественно... Пусть она даже исторія мысленныхъ блужданій, но это исторія логики, математики, да и мыслей человѣка о самомъ себѣ...

– Если такъ – то ладно, – улыбнулся Салабинъ, – пусть она и дальше существуетъ, философія...

Красовъ коротко размѣялся.

– И вашъ сарказмъ умѣстенъ, – добавилъ Салабинъ, – я его понимаю. Но когда я слышу отъ философовъ о всякихъ тамъ дискурсахъ, конструктахъ и деконструкціи, то просто уши вянуть... Вотъ приѣзжалъ къ намъ въ Питеръ Жакъ Деррида, нынѣ покойный, и сыпалъ намъ на голову свои конструкты – весь либеральный Питербурхъ сыпанулъ на Университетскую набережную, чтобы умильно лицедрѣть, пуская слюни...

– Ну, современные профессора, въ большинствѣ, заняты словесной игрой: игра смыслами, допущеніями... Притомъ не безобидная, совсѣмъ не безобидная игра. Недаромъ Деррида къ намъ приѣзжалъ въ особенный моментъ исторіи. Но, къ счастью, онъ никого изъ нашихъ мужиковъ не заразилъ – а либералы пусть какъ хотятъ, не жалко... Въ извѣстномъ смыслѣ – да, это конецъ философіи, наподобіе того конца исторіи, о которомъ протрубилъ изъ Америки японецъ Фукуяма: кончилась холодная война – и съ нею кончилась Исторія! Анъ не не тутъ-то было!

– Зацикленность учёнаго ума! – замѣтилъ Салабинъ. – Вообще постмодернъ головного мозга – это конецъ всего: конецъ литературы, конецъ національнаго государства, конецъ культуры, семьи, много чего... Но мы поборемся!

– А этотъ жаргонъ съ дискурсами, нарративами, конструктами и концептами съ трендами, – Красовъ брезгливо, будто сплёвывая, ронялъ эти слова на старинные каменные плиты набережной, – это просто накипь на губахъ у бездарей. Вѣдь въ каждомъ вузѣ – кафедра философіи. На каждую кафедру не напасёшься батищевыхъ или хайдеггеровъ.

– А кто такой Батищевъ?

Красовъ остановился и, прежде чѣмъ отвѣтить, сосредоточился, какъ въ аудиторіи передъ студентами, а лицо его стало строже и какъ-то даже красивѣе.

– Генрихъ Степановичъ Батищевъ – выдающійся мыслитель двадцатаго вѣка. Хотя онъ жилъ въ Москвѣ, а я въ Питерѣ, но я къ нему ѣздилъ хотя бы разъ в годъ... Плюсъ были встрѣчи на конференціяхъ. Если будетъ у васъ желаніе, мы какъ-нибудь поговоримъ...

– Съ удовольствіемъ! – скорѣе машинально, чѣмъ искренне, отвѣтилъ Салабинъ и далъ себѣ наказъ посмотрѣть это имя въ Википедіи.

Они обмѣнялись телефонами и договорились держать связь, хотя Салабинъ такъ и не успѣлъ признаться, что онъ здѣсь въ отпускѣ, конецъ котораго – не за горами.

До отъѣзда Салабинъ ещё однажды видѣлся съ Красовымъ. Дмитрій Михайловичъ понравился ему своимъ дружелюбіемъ, что совсѣмъ не исключало его горячности и даже страстности въ

отношении обсуждаемых имён и явлений. Понравился ему и Генрих Степанович Батищев, у которого он прочёл в Википедии.

Но Салабин схитрил, когда видёлся с Красовым: ни словом не обмолвился, что сам когда-то чуть не угодил в философы и даже сдавал кандидатские экзамены в аспирантуру, зато теперь он мог задавать самые наивные вопросы, несколько не краснѣя.

Мнѣние о философии как о кладезѣ человеческих заблуждений Красов не поддержал. Таким кладезем она может выглядѣть лишь как учебная дисциплина – и то не для всякаго студента. Тогда что такое философия?

Красов подѣлился своим открытием, сдѣланным в юности, когда читал Ивана Киреевскаго и подивился ясности его мысли: философия не даёт основного отношенія къ міру (этимъ занимается религія). Задача философии – провести это основное отношеніе къ міру черезъ всю систему человеческой культуры. Философия – какъ стражъ тѣхъ различій, что существуютъ между всѣми культурными проявлениями; и она же предостерегаетъ отъ аномалій разума: фанатизма, буквализма, слѣпонаго морализма (системъ запретовъ-«табу», какъ въ Талмудѣ, наприимѣръ), стерильнаго эстетизма, теоретизма, вербализма (беспредметной игры словами) и проч.

Специализацией Красова была гносеология, теорія познания, и онъ ясно видѣлъ религіозную подоснову философскихъ учений – отъ лютеранъ Лейбница, Фихте, Шеллинга и Гегеля до Канта, котораго безъ религіозной подосновы тоже не понять.

– Любопытно и, думаю, неслучайно, что эти лютеране – всѣ какъ одинъ, условно говоря, анти-семиты (самъ Лютеръ іудеевъ просто ненавидѣлъ какъ сатанистовъ), – глаза у Красова сверкнули вдохновениемъ, – а послѣ Гегеля вышли на свѣтъ младогегельянцы лѣваго толка – и всѣ какъ одинъ евреи. Это уже новая волна нѣмецкой философии. Естественно, имъ это прямо предписывалось: овладѣть философией – не какъ знаниемъ, но какъ отраслью человеческой дѣятельности. Ничего удивительнаго: то же самое было и съ Церковью, съ христіанствомъ. Какъ только христіанство стало признанной религіей имперіи, оно тутъ же подверглось нашествію крестившихся іудеевъ, стремившихся его осѣдлать – чтобы со временемъ возглавить.

– Ну да, одинъ Игнатій Лойола чего стоитъ! – подхватил Салабинъ.

– Въ томъ-то и дѣло! И тогда совѣсть, которую кантіанцы-нѣмцы считали внутренней данностью разума...

– Души! – возразил Салабинъ.

– Это въ Церкви, – пояснилъ Красовъ. – А философы-лютеране уже полагались на разумъ. Такъ воть, инквизиція іудеевъ замѣнила совѣсть бумажками объ отпущеніи грѣховъ – это въ католицизмѣ. А дальше – уже и кресту стали строить конкуренцію: звѣздами... Вѣдь только Вифлеемская звѣзда – христіанская, она – восьмиконечная. Остальныя – изъ Вѣтхаго Завѣта: шестиконечная звѣзда Давида, пятиконечная звѣзда Моисея (руки, ноги, голова – полный гуманизмъ)... А когда іудеи вырѣзали пятьсотъ тысячъ христіанъ, то звѣзда Моисея получила красный цвѣтъ и стала знакомъ іудейской мести. Потомъ уже Троцкій сдѣлалъ красную звѣзду эмблемой Красной Арміи. А до Троцкаго звѣзды у военныхъ были металлическаго цвѣта.

– Я, кстати, удивлялся, почему и въ русской арміи звѣзды были пятиконечныя, – сказалъ Салабинъ. – Ещё съ Николая Перваго, по-моему.

– Онъ, видно, не придавалъ значенія. Зато совѣтники – тѣ постарались...

– Одно къ одному: и ружья наши въ Крымскую войну были гладкоствольныя, и звѣзды на эполетахъ – пятиконечныя... Только русскій штыкъ – молодецъ! Боялись его.

– Да, но мы отвлеклись, это я виноватъ, – спохватился Красовъ. – Что такое Библия? Это тоже хитрость іудейская: держать подъ одной обложкой противоположныя вещи – Вѣтхій и Новый Завѣты – и назвать это однимъ словомъ: Библией, то бишь Книгой. А что такое Вѣтхій Завѣтъ? Это идеология, записанная іудеями въ вавилонскомъ плѣну, а потомъ переведенная на греческій семьдесятью учёными евреями, чтобы масса іудеевъ, забывшихъ въ плѣну свой ивритъ, могла её знать. Вѣдь чтобы сохранить іудейство, требовалась его идеология. Греческій языкъ былъ какъ латынь Востока. Поэтому переводчики прибѣгали къ изытіямъ и вставкамъ, дописывали и переписывали то, что переводили. Этотъ завуалированный, переименованный переводъ назвали Септуагинтой – по числу переводчиковъ. Ну мастера!.. Меня поразила одна русская сказка, какъ будто про этихъ мастеровъ написана: хоть буквой – но-таки пролѣзуть!.. Иванъ-царевич искалъ

свою Марью, украденную вѣдьмой, и ему добрая волшебница дала Книгу Правды, чтобы смогъ онъ разгадывать вѣдьмины загадки. И вотъ – заколдовала вѣдьма дѣвицу Марью камешкомъ въ морѣ – читаетъ Иванъ Книгу Правды, видитъ этотъ камешекъ и находитъ его въ морѣ. Удивилась вѣдьма; но уговоръ былъ о трёхъ загадкахъ. Заколдовала она Марью подъ пѣрышко птицы. Читаетъ Иванъ Книгу Правды, видитъ птицу, пускаетъ стрѣлу и ловитъ пѣрышко... Но въ этотъ разъ вѣдьма слѣдила за нимъ, увидѣла у него Книгу Правды... Тогда прикинулась вѣдьма буквой – и пролѣзла въ эту Книгу! Смотритъ въ Книгу Иванъ – и видитъ фигу! Пролісталъ её всю – одна галиматья! Тогда взялъ онъ эту Книгу – да какъ шарахнетъ óземь! – фальшивая буква вылетѣла вонъ и увидѣлъ онъ саму дѣвицу Марью... Такъ что сказка обѣщаетъ намъ хорошій конецъ плохого времени, надо только здорово осерчать – и шарахнуть!..

Скоро исчезаетъ причина, по которой Салабинъ оказался въ Турціи, – расплата за квартиру. А теперь появляется другая цѣль; можно думать о трудоустройствѣ здѣсь, на родинѣ, а не на чужбинѣ. «Завтра спрошу на сей счётъ Дмитрія Красова. Авось подскажетъ.»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Съ Красовымъ они условились встрѣтиться на выходѣ изъ метро «Невскій проспектъ» и въ назначенное время Салабинъ увидѣлъ его со ступенекъ эскалатора. Уже подходя къ Дмитрію Михайловичу, онъ почувствовалъ, что кто-то тронулъ его за локоть. Салабинъ обернулся: сѣрые, а можетъ – голубые, а можетъ – и стальные глаза Ирины смотрѣли на него.

– Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Вѣрно? – пропѣла она, глядя на Салабина.

– Ира, ты ли это? Звонить не звонила, и вдругъ – подходишь!..

– Почему не звонила? Трубку никто не бралъ. Телефонъ измѣнился?

– Нѣтъ, не мѣнялся. Я ужъ думалъ, ты давно за границей. Какъ та подруга твоя...

И Салабинъ обратился къ Красову, рядомъ съ которымъ стоялъ ещё кто-то, незнакомецъ:

– Вы видите, въ какое время живѣмъ? Молодёжь предпочитаетъ мобильники, а старшіе оглохли – трубку не снимаютъ! – онъ былъ замѣтно взбудораженъ.

– Всѣмъ добрый день, – сказалъ онъ, заминая неловкость. – Дмитрій Михайловичъ, рекомендую: ненаглядная Ирина Анатольевна.

– Можно безъ фамилии! – возразила та, и Салабинъ поразился быстротѣ реакціи парашютистки.

– Очень пріятно! – откликнулся Красовъ. – А мнѣ доставляетъ удовольствіе познакомить васъ, и васъ, съ Петромъ Николаевичемъ Рославлевымъ.

Такъ, отчасти сумбурно, произошло это знакомство.

– Господа, – сказалъ Пётръ Николаевичъ, – предлагаю покинуть шумный Невскій и пройти хотя бы къ Милліонной или къ Манежной площади. Ирина Анатольевна, вы съ нами, надѣюсь?

– А я не помѣшаю?

– Напротивъ, только украсите общество трёхъ холостяковъ, – начальственно произнёсъ Пётръ Николаевичъ на правахъ устроителя банкета, а если кто и не былъ вполнѣ холостякомъ, то въ этомъ не сознался.

Они приближались къ пекарнѣ-кафе на каналѣ Грибоѣдова, и Красовъ предложилъ князю остановиться здѣсь, не мудрствуя лукаво.

– Князь? – Ирина округлила глаза. – Почему князь?

– Ап... – прижалъ пальцы ко рту Дмитрій Красовъ. – Да потому что Пётръ Николаевичъ прямой потомокъ князей Рославлевыхъ.

Ирина зачарованно уставилась на князя, который тѣмъ временемъ Красову возразилъ:

– Я думаю, не грѣхъ намъ посѣтить что-то болѣе капитальное. Отмѣтимъ новыя знакомства и возобновленье старыхъ...

– Вотъ это по-княжески!.. – жарко прошептала Ирина, а мужчины деликатно не замѣтили этого.

Однако гости князя ещё не знали, что имъ предстоитъ. Въ первомъ же ресторанѣ князь ожесточилъ губы и нахмурился:

– И здѣсь я слышу англоязычную попсу! У васъ тутъ найдётся русская пѣсня?

– Минуточку, – сказалъ челоуѣкъ, похожій на швейцара, – сейчасъ я попрошу администратора...

Администраторъ, длинный мальчикъ съ жидкими усиками, объяснилъ, что заведеніе связано договоромъ съ правообладателями исполняемой музыки и посторонняя музыка исключается.

– Это русская-то пѣсня – посторонняя?! – вскипѣлъ князь. – Я пріѣхалъ въ Россію и хочу слышать русскую музыку!

– Вы бы сразу и сказали, что вы – пріѣхали!.. – съ поклономъ ослабилъ администраторъ. – Одну минуточку!..

– Спасибо, милѣйшій! Мы уходимъ! «Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ?!»

Компанія вышла вслѣдъ за Петромъ Николаевичемъ, не на шутку разсвирепѣвшимъ: онъ даже побагровѣлъ.

– Я бы стерпѣлъ въ Россіи ещё французскую, нѣмецкую, въ концѣ концовъ, – но англо-американскую?! Извините, господа!

– Но вы вѣдь, Пётръ Николаевичъ, прибыли изъ самой настоящей Англіи!.. – мягко обратился къ нему Красовъ.

– Ахъ, вы не понимаете!.. – вздохнулъ Рославлевъ. – Именно поэтому!

– А я чуть не подумала, что это такой новый трэндъ! – просіяла Ирина въ сторону князя.

– Ещё не «трэндъ» всеокрушающій, – отвѣтилъ ей Салабинъ, – но старая, какая-никакая, а тенденція!

И онъ оборотился къ Рославлеву:

– Пётръ Николаевичъ, эта заминка съ русской пѣсней, къ сожалѣнію, будетъ вездѣ. А вотъ на Малой Морской есть греческая таверна...

– Это годится! – поддержалъ Рославлевъ. – И, кстати, я вамъ расскажу, господа, какую роль сыграла Греція... въ моёмъ возвращеніи на родину.

– Это интересно! – выразила общее мнѣніе Ирина.

– Малая Морская!.. – пробормоталъ Салабинъ. – Когда либероиды сняли имя Гоголя ради Малой Морской, никто въ Союзѣ писателей не почесался и не вздрогнулъ! Стыдъ и позоръ!

– Но вы, я слышалъ, тоже вѣдь писатель? – посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ князь.

– Тогда ещё меня тамъ не было... Я былъ поглощёнъ борьбой въ иной средѣ...

– Но вѣдь Малая Морская – историческое названіе, или я неправъ? – спросила Ирина.

– Имя Гоголя – не менѣе историческое, потому что городомъ присвоено въ 1902 году – къ 50-лѣтію со дня смерти Николая Гоголя.

– Но Малая Морская – болѣе старинное, – со страннымъ желаніемъ противорѣчить Салабину, сказала Ирина.

– Да, Ирочка, – согласился тотъ. – А Троицкая улица – болѣе старинное имя, чѣмъ улица Рубинштейна.

– А это одна и та же улица? – удивилась Ирина.

Красовъ и Рославлевъ слушали, не вмѣшиваясь въ эту пикировку старыхъ близкихъ друзей.

– Ну, Рубинштейна... – откликнулся Красовъ, – при нынешнемъ порядкѣ вещей, надо понимать, что это имя неприкосновенно... Ась?

– И намедни, и вчерась! – въ тонъ ему отвѣтилъ Салабинъ.

Когда они разсѣлись за тѣмнымъ деревяннымъ столомъ подъ непривычную для Ирины греческую мелодію и сдѣлали, съ помощью официанта, увлекательный выборъ незнакомыхъ блюдовъ, пока Пётръ Николаевичъ выбиралъ вино, Салабинъ напомнилъ князю объ его обѣщаніи...

– Да, да, я помню... Чѣмъ помогла мнѣ Греція... Собственно, всё укладывается въ одну фразу: послѣ Англіи, прежде чѣмъ вернуться на родину, понадобилась Греція. Иначе случилась бы кессонная болѣзнь. Это у водолазовъ бываетъ – при несоблюденіи правилъ безопасности. Или у космонавтовъ при разгерметизации: кровь закипаетъ отъ упавшаго давленія... Въ Англіи я вращался въ опредѣлённыхъ кругахъ, гдѣ постоянно ощущалось давленіе, скажемъ, не менѣе восьми атмосферъ, а ещё и языковая среда создавала тоску по русскому слову, по нашей интонаціи... Отецъ у меня рано погибъ, и я воспитывался въ закрытой школѣ, отдыхая только на каникулахъ у бабушки въ Парижѣ. Перейдя изъ англосфернаго міра въ нашъ многоферный... сердце могло не выдержать. Нужно было пожить какое-то время среди болѣе свободныхъ людей, чѣмъ британцы, но всё же болѣе западныхъ, чѣмъ русскіе... и я, к тому же, не былъ ещё увѣренъ, что російскій режимъ приметъ бѣлоэмигранта...

– Но всё хорошо, что хорошо кончается! – подытожила Ирина.

– Увы, всё никак не кончится, – вздохнул Рославлевъ. – Часто слышимъ о двухъ пресловутыхъ «русскихъ вопросахъ»: кто виноватъ? – и что дѣлать? А вѣдь жизнь давно отвѣтила на эти вопросы. Настоящій русскій вопросъ одинъ: когда всё это кончится?

Эти слова прозвучали столь серьёзно, что никто не нашёлся что сказать. Только у Красова поднялась рука и снова легла на столъ.

Рославлевъ почувствовалъ перемену настроенія, которую самъ же и вызвалъ, и рѣшилъ отыграть назадъ:

– Ну-ка, кто предложить тостъ? Не гостя ли наша?

– Да, съ удовольствіемъ! Вы знаете, господа, что я почувствовала? Что вы, трое мужчинъ, похорошему, что называется, спѣлись... То есть хочется предсказать: у вашего знакомства впереди большая дружба! Вотъ давайте за это и выпьемъ!

«Интересно, что произошло въ ея жизни, разъ она способна на такія слова? – подумалъ Салабинъ. – Или всё какъ разъ оттого, что ничего не произошло?»

Двѣ бутылки на четверыхъ – это нормально, это умѣренно...

Стали искать русское выраженіе взаменъ «кессонной болѣзни». Ея другое названіе, болѣе правильное – декомпрессионная болѣзнь. Попробуй-ка переведи!

– Кессонъ – это слово французское, – сказала Салабинъ, а Рославлевъ согласно кивнулъ. – Это большой коробъ, ящикъ, фургонъ, водолазная камера-«колоколь»... А въ архитектурѣ – ячеекa дворцовыхъ потолковъ. У водолазовъ прижилось однимъ словомъ: «кессонка». Но жаргонъ профессионаловъ – тоже не для насъ. По крайней мѣрѣ – не для словесниковъ, коими я признаю Дмитрія Михайловича и себя – вашего слугу покорнаго...

Здѣсь Салабинъ выжидательно посмотрѣлъ на Петра Николаевича.

– Я – нѣтъ, я инженеръ... Но патриотъ-словесникъ, тѣмъ не менѣе.

Вступилъ со своимъ словомъ Красовъ:

– Жаргонъ, какъ правило, служить плохимъ спеціалистамъ для сокрытія профнепригодности! У философовъ это очень наглядно! Если полная бездарь, то обязательно обвѣщается «активной защитой»: діскурсы, парадігмы, операбельность, нарративъ... Кошмаръ! Я четыре года былъ научнымъ редакторомъ въ библиотекѣ Академіи наукъ: начитался-насмотрѣлся пустышекъ. Иждивенцы полные! – И онъ воздѣлъ палець: – На нашей съ вами шѣѣ!

– Я не противъ профессиональныхъ терминовъ! – заявила Ирина. – Мы, напримѣръ, медики... Или – вотъ, говоримъ же мы: парашютъ! Слово тоже нерусское.

– Уже русское! – возразилъ Салабинъ. – А декомпрессионная болѣзнь – это ударъ по сосудамъ: сосудистый ударъ при чрезвычайномъ паденіи давленія. Или, вотъ: говорятъ *дефинитивный* – вмѣсто *опредѣлённый, окончательный*.

– А таргетированіе вмѣсто цѣлеполаганія? – воскликнулъ Красовъ. – Это просто отвратительно.

– Да, это ещё хуже: какъ всякій англицизмъ по сравненію съ латынью, – согласился Салабинъ.

Ирина придвинулась къ нему и шепнула:

– А самъ ты развѣ не англійскій преподавалъ?

– Грѣхъ молодости!..

Она въ отвѣтъ повернула палець около виска. «Нѣтъ, ничего въ ея жизни не произошло!» – рѣшилъ Салабинъ.

– Какъ твоя Юля? Какъ родители?

– Мама умерла годъ назадъ. Юля – въ Сбербанкѣ.

Онъ молча накрылъ ея руку ладонью.

«Онъ, кажется, порасторопнѣе сталъ!» – подумала она.

Опять вступилъ въ бесѣду Красовъ:

– Когда философа Хайдеггера спросили, почему онъ, владѣющій древнегреческимъ, латынью и японскимъ, не знаетъ англійскаго, тотъ отвѣтилъ, что ему неизвѣстно, что такого написано по-англійски, чтобы стоило изучить этотъ языкъ!

– Круто! – восхитилась Ирина. – Среди васъ, я – какъ будто на парашютѣ лечу!

– Ирина – воспитанница аэроклуба, – пояснилъ Салабинъ.

– Снимаю шляпу! – поклонился князь. Ирина зардѣлась. Красовъ подождалъ вниманія:

– А былъ ещё случай, когда удивились, на что Хайдеггеру японскій, а онъ объяснилъ, что ему интересенъ дзэнъ-буддизмъ, который невозможно выразить ни однимъ субъектно-предикатнымъ языкомъ Европы: переводы безсильны.

– Переводы вообще безсильны! – отозвался Салабинъ. – Надо знать языки.

– Что за странный типъ! – изумилась Ирина.

– Кто – я? – дѣланно обидѣлся Салабинъ.

– И ты тоже.

– Вообще Хайдеггеръ былъ очень высококомфренъ, – продолжилъ Красовъ. – Можно даже сказать, челоѡконенавистникъ. И женоненавистникъ, несомнѣнно.

– И вы тоже изъ нихъ? Вѣдь это вашъ любимый философъ?..

На губахъ у Красова появилась лукавая усмѣшка.

– Я – напротивъ. Я цѣнитель женщинъ.

– Да мы всѣ, я думаю, цѣнители, – задумчиво произнёсъ Салабинъ. – Женщины – это цвѣты. Кто-то ихъ вяжетъ в букеты, а кто-то только любитъся.

– Ну, наверно, и нюхаетъ же! – предположила Ира.

Пѣтръ Николаевичъ съ довольнымъ видомъ оглядѣлъ собравшихся:

– Пока рѣчь не зашла о женщинахъ, нельзя считать вечеръ удавшимся! Надѣюсь, у насъ ещё будетъ подобный симпозиумъ... Ахъ, простите, это же иностранное слово!

– Владиміръ Ивановичъ Даль не относилъ греческія слова къ чужероднымъ, – отозвался Салабинъ.

– Ну хорошо, надѣюсь, вы, Дмитрій Михайловичъ, въ слѣдующій разъ намъ расскажете побольше о знаменитыхъ философахъ.

– О, съ удовольствіемъ!..

Ирина сморщила носикъ.

* * *

На слѣдующій день Салабинъ пребывалъ въ состояніи, котораго самъ не могъ истолковать. Случайная встрѣча съ Ириной и то обстоятельство, что она тотчасъ измѣнила свои планы, принявъ приглашеніе Рославлева, не обязательно должны были его радовать. Скорѣе, наоборотъ, могъ радовать предстоящій черезъ два дня вылетъ на Босфоръ. Онъ былъ не готовъ къ столь внезапной перемѣнѣ своей участи и опасался сосудистаго удара отъ декомпрессіи.

Безпокоилъ также Ростикъ, котораго онъ слишкомъ давно не видѣлъ. А вопросъ будущаго трудоустройства можно будетъ обсуждать съ Красовымъ и заочно – по электронной почтѣ... Но сына надо повидать.

Ирину онъ вчера, конечно, проводилъ домой и она даже вслухъ отмѣтила, что онъ здорово измѣнился: раскованъ, находчивъ – но непонятенъ.

– Ты что-то скрываешь отъ меня?

– Только мѣсто своей работы. Она не въ Питерѣ. Я здѣсь проѣздомъ.

– А почему скрываешь?

– Хочу быть такимъ же загадочнымъ для тебя, какъ князь Рославлевъ! – свои слова онъ смягчилъ лёгкимъ смѣшкомъ.

– Ты что – не радъ, что я подошла?..

– Почему не радъ? Я очень радъ тебя видѣть. Ты же ненаглядная моя – смотрѣлъ бы и смотрѣлъ! Это чувство только у насъ, у русскихъ, можно выразить однимъ словомъ. Въ остальныхъ языкахъ понадобится цѣлое предложеніе.

– Опять тебя въ теорію кидаетъ. А мнѣ какое дѣло до остальныхъ языковъ?

– Вѣрно: никакого.

Она подняла глаза къ окнамъ своей квартиры:

– Юля дома. Ты зайдѣшь?

– Нѣтъ. Лучше въ слѣдующій пріѣздъ.

– Какъ знаешь. Пока.

– Пока.

Онъ могъ бы и ещё стоять и разговаривать съ ней, но только не заходить въ домъ. Что-то произошло въ его жизни, но онъ ещё не зналъ, что именно.

Созерцатель

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Однозвучно гремит колокольчикъ
И дорога пылится слегка
И уныло по ровному полю
Разливается пѣснь ямщика...

*Народная пѣсня.
И. Макаровъ*

Когда Салабинъ летѣлъ въ Стамбуль, ему думалось о Цареградѣ; теперь, по дорогѣ домой, въ головѣ звучатъ родныя пѣсни...

Подумать только, какъ измѣнились способы путешествовать – за одинъ краткій мигъ, въ какую-то сотню лѣтъ! И «ровное поле» теперь – не жнивье, не луга, не снѣга, а пухлое одѣяло облаковъ, стѣганое иглами восходящихъ воздушныхъ потоковъ. А случись въ одѣялѣ дыра – и проглянетъ ковѣрь лѣсовъ, рѣчные узоры и лоскуты земельныхъ участковъ. Земля сократилась, чтобы умѣститься въ сознаниіи человѣка, а дѣла человѣка всё болѣе выходятъ за грань его пониманія.

Приземленіе самолѣта въ Пулково сопровождалось, какъ бываетъ при мягкой посадкѣ, аплодисментами пассажировъ-иностранцевъ. Для русскаго человѣка это не поводъ, чтобы шумно реагировать.

Пройдя кордоны и получивъ багажъ, Салабинъ пошѣлъ къ залу прилѣта, высматривая, кто его встрѣчаетъ: только ли Маруся – или братъ ея тоже.

Маруся была одна. Да какъ замѣтно она вытянулась за четыре иесяца!

Они поцѣловались и Салабинъ спросилъ, какъ дѣла у Ростика.

– А онъ только пріѣзжаетъ, чтобы форму постирать... Всё нормально, говорить.

«Ну хоть такъ... – говоритъ себѣ Салабинъ, – чтобы форму постирать... Поколѣніе пепси!» И они выходятъ на ноябрьскій вѣтеръ.

Ѣхать предстояло двумя автобусами съ пересадкой. Дочка была молчаливѣе обычнаго, и Салабинъ не сталъ её тормошить. Спросилъ о школѣ, о самочувствіи – и умолкъ, озираясь по сторонамъ. Особыхъ переменъ вокругъ не замѣчалось.

Развѣ что сосредоточенность дочки навѣвала подозрѣніе, не влюблена ли она.

Сердце его дрогнуло при видѣ роднаго существа и ея улыбки, а теперь сжималось отъ мысли, что есть и его вина въ томъ, что дѣвочка живѣтъ безъ матери. Маленькій Гена всегда стѣснялся лишній разъ обратиться къ родному отцу, мать была ближе и проще, а каково теперь его Марусѣ?.. Что будетъ твориться въ ея душѣ, когда она будетъ мучаться дѣвичьими вопросами?

Но тутъ онъ усомнился въ способностяхъ Натальи быть доброй совѣтчицей... Когда она со свекровью купала маленькаго Ростика, то щипками пыталась усмирить его плачь. Припомнился и тотъ звонокъ Натальи въ ихъ коммуналку и ея просьба о встрѣчѣ, чтобы «рѣшить съ отданнымъ подъ залогъ видикомъ» – проблема эта странно прозвучала для слуха Салабина. Уже когда разстались, онъ сообразилъ, что это былъ только поводъ: предложить ему выкупить заложенный ею видеоманитофонъ, «чтобы не пропалъ». Судьба ея «видика» въ любомъ случаѣ Салабина не трогала.

– Ты гдѣ сейчасъ работаешь? – спросилъ онъ её безъ особаго интереса.

– Ты знаешь, что такое бандерша?

– Знаю.

– Такъ вотъ, теперь я бандерша.

Въ ея тонѣ прозвучало то ли странное самодовольство, то ли сарказмъ. Онъ не зналъ, вѣрить ей или нѣтъ, да и понимаетъ ли она, что говоритъ? Въ концѣ концовъ, повѣрилъ.

А она стала жаловаться на новыхъ свѣкра и свекровь... Отъ нихъ пришлось отдѣлиться и врѣзать себѣ отдѣльный замокъ; свекровь теперь причитаеть, что «изъ квартиры сдѣлали коммуналку»...

– Такъ мужъ вѣдь на твоей сторонѣ?

– Да, но...

Она метнула быстрый взглядъ на Салабина – и стала смотрѣть вдоль Лиговскаго проспекта.

– Не знаю... Покою нѣтъ.

Она прїѣхала развѣдать его настроеніе, догадался Салабинъ. Уяснить свои варианты, чтобы оцѣнить ихъ.

– Надо мириться, – сказалъ Натальѣ Салабинъ. – Сходите съ мужемъ на исповѣдь – и всё подробно... Спросите совѣта. Мириться надо.

– Ладно. Ты меня успокоилъ. А то я всё не могла...

Съ тѣхъ поръ они не видѣлись. А дочка видѣла маму дважды: въ одинъ и другой свои дни рожденія, въ ближайшей отъ ихъ коммуналки кондитерской.

Теперь, съ ихъ переѣздомъ, концы обрублены.

Онъ видитъ, что дочка одѣвается со вкусомъ, только обновки отъ папы и отъ кїевской тѣти всегда надѣваетъ по одному разу – въ день даренія. Такъ и теперь: скажетъ навѣрняка, что ей не съ чѣмъ эту кофточку носить.

Пошѣлъ на кухню ставить чайникъ; но тамъ уже хлопотала Маруся.

Тогда онъ втиснулся на стулъ между окномъ и столикомъ и, наблюдая дочкины дѣйствія, вдругъ осозналъ, что нѣтъ у него никакихъ плановъ на предстоящія четыре недѣли, кромѣ полученнаго ещё въ Турціи по электронной почтѣ приглашенія на собраніе клуба «Русская мысль».

Съ дочкой Салабинъ видѣлся мелькомъ. Она исчезала то на сходку, то «на стрѣлку», на «тусовку» со сверстниками, а то заявлялась домой въ компаніи – но попытки отца сблизиться съ молодёжью ни к чему не вели: тѣ впадали въ принуждённое молчаніе, явно ожидая, когда старичина покинетъ ихъ. Потомъ дочка, как бы извиняясь за своихъ прїятелей, успокаивала папу: всё будетъ хорошо, у меня голова на плечахъ, да и ребята хорошіе, просто плохо воспитанные.

А Красовъ рассказывалъ о родной Полтавѣ, о родителяхъ, объ одноклассникахъ, о своихъ приключеніяхъ – потому что оказался Красовъ человекомъ, котораго любили приключенія, несмотря на то, что былъ онъ философомъ... Можетъ, именно поэтому? Ихъ бесѣда за чашкой чая продолжалась больше трёхъ часовъ и дала Салабину массу матеріала для воспоминаній и размышленій среди турокъ.

А пока что для Салабина важень другой итогъ его отпуска: въ одну прекрасную минуту онъ почувствовалъ, что совершенно свободенъ – и жизнь его не зависитъ больше отъ ненаглядной Ирины.

Совѣтъ не зависитъ... Почти.

* * *

«Когда постранствуешь, воротись домой – и дымъ отечества намъ сладокъ и прїятенъ...»

И въ этомъ никакого нѣтъ преувеличенія. Хотя страна въ тискахъ у преступной группировки, и самъ ты можешь попасть между зубцовъ ея шестѣрокъ-шестерёнокъ, но воздухомъ измученной Отчизны радостнѣй дышать, чѣмъ посреди цвѣтастаго базара Капалы Чарши*.

Здѣсь на улицѣ тебѣ любой отвѣтитъ, или обронить замѣчаніе – и всё-то ты поймёшь, и всё оцѣнишь, посмѣешься или погрустишь: всё здѣсь твоё, родное, своё...

Покупая каравай хлѣба, ты улыбаешься знакомому лицу продавщицы какъ родному – и вышутите сообща надъ погодой, и погода у васъ общая – и впечатлѣнія общія, и одинаково весною пахнетъ вамъ февраль.

Потомъ приходитъ привыканіе къ повседневности и копится возмущеніе несообразностями реформъ, цинизмомъ налоговъ и тарифовъ, ожиданіемъ обѣщанныхъ кризисовъ, перескоками «властной вертикали» отъ выборности губернаторовъ къ назначеніямъ – потомъ гибридизаціей того и другого, потомъ избирательностью «правосудія», потомъ приходятъ на умъ народные способы подавленія тошноты отъ ежедневнаго вранья свысока...

И всё равно я буду лучше тутъ, со своимъ народомъ, чѣмъ по чужимъ угламъ въ чужой землѣ.

* «Крытый Рынокъ» въ Стамбулѣ-Константинополѣ.

А сколько поэзии в русских названиях на карте родного края – и чем карта подробней, тем лучше! Отстоящая друг от друга порой на сотни километров, они могут позволить себе быть полными тезками, оттого мы видим как повторяется то тут, то там Великий Дворь, или Усадище, а то – Гостинополье... А вот кому никто не хотѣль подражать: Заголодно.

Но вот являются глазамъ Градоша, Ратилово, Липная Горка, Кроватыни, Верховина, Шибенець, Мыслино, Ладвуши... А сколько их – Лебязжихь-то озёр! И – Заборовье, Чудцы, Кукуй...

Платаниха?.. Интересно, это в какую же геологическую эпоху здесь платаны росли?.. Скорѣй всего, это мѣстный выговоръ такой, а прославилось селение хозяйкой здѣшняго подворья – Платоной...

И вот вамъ – Кончикъ, а то ещё – Киршинъ Конецъ!

И тутъ же – Равогоща: напоминает о Гощѣ, что на Волыни, гдѣ иезуиты обучали своимъ приѣмамъ Лжедмитрія Перваго.

Двѣ близкія сосѣдки: Усть-Шоумушка и Кайвакса – уже нарѣчие другое, да столкнуться съ ними труда не составитъ, а тутъ же рядомъ и родныя сѣстры – при одной дорогѣ Палуя Большая и Малая, а рядомъ ихъ двоюродная – Лѣпуя, и чуть поодаль – ухажёръ которой-то изъ нихъ: Пильтякъ.

Ну а дальше къ сѣверу шагають Ярославичи, Тервеничи, Новое Село, Ветхое Село, Мальгиничи... и сами собой вспоминаются далѣкіе Сновидовичи и бабушка Сальвета. И вотъ теперь, миновавъ Шапшу, заночуетъ Салабинъ въ Руссконицахъ, чуть-чуть не дойдя до Лодейнаго Поля.

Такъ, видно, на роду ему написано: чутокъ не доходить, не попадать въ десятку... Ему и Красовъ говорить: ты всегда какъ будто не досказываешь; моя Вѣра тебя читать любить за то, что «строки сами льются», а я не вполне доволенъ, остаѣтся чувство недосказанности.

– Да... – произноситъ Салабинъ. – Высказать всё – мало кому удаѣтся. Не взыщи, дружище. Къ тому же – я вовсе не писатель. Я не пишу: я чувствую и размышляю. Быть писателем, особенно в компьютерное время, – вѣдь это не ахти что, и давно не престижно. Столько всего уже написано! А насчѣтъ чтобы высказать всё... Всё высказано давно в Евангелии. А мы – всё пишемъ, пишемъ...

– Ты правъ! – скинулись глаза у Красова. – Но мы ушли отъ темы... На чёмъ я остановился?

– Ты сказалъ, что нація – механизмъ. Народъ – организмъ. Этнось, вошедшій въ исторію, обрѣтшій историческое время, становится народомъ.

– Это я такъ сказалъ? – искренне восхитился Красовъ.

– Ну да!

– Значить, такъ и запишемъ!

* * *

Талантъ и тщеславіе начинаются съ одной и той же буквы, но только талантъ ею же заканчивается.

(Изъ записной книжки Салабина)

Вернувшійся на родину Геннадій закономѣрно побылъ нѣсколько мѣсяцевъ безработнымъ. Потомъ его устроилъ въ «Учреждение дополнительнаго образования дѣтей» (УДОД) лидеръ одного союза городскихъ графомановъ – застарѣлый диссидентъ внутри петербургскаго отдѣленія СП Россіи, но оказавшійся съ неожиданными связями. Творческіе союзы состоятъ изъ бурлящихъ самолюбій, рождѣнныхъ творческимъ разсѣяніемъ, но ищущихъ опредѣленныхъ точекъ сгущенія, говоря математически. Упомянутый диссидентъ происходилъ изъ разсѣянія технической интеллигенціи Ленинграда; поучившись в нѣсколькихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ избралъ стезю – и средю – разсѣянія поэтическаго. Благодаря таинственнымъ связямъ упомянутый стихотворецъ могъ издавать цѣлый альманахъ и ещё газетку оперативнаго реагирования, то есть представлялъ собой, в эпоху затянувшагося безвременья, для многихъ пишущихъ – точку искомаго сгущенія. Неискушѣнный Салабинъ попалъ въ его окружение нежданно-негаданно; его ввѣлъ туда другой неискушѣнный, изъ отчаявшихся прозаиковъ, – Толя С.

Впослѣдствіи Салабинъ былъ вынужденъ признать предводителя этой секты *бывшимъ поэтомъ* – и даже едва ли состоявшимся, несмотря на оказанную Салабину прошлую услугу; газетка лидера, используя разные псевдонимы, регулярно метала стрѣлы и шаровыя молніи въ председателя отдѣленія СП Россіи, а въ качествѣ издателя альманаха сей стихотворецъ выступалъ уже дилеромъ по всѣй Россіи, предлагая страничные площади своего альманаха извѣстнымъ поэтамъ и прозаикамъ – по сосѣдству съ собственными виршами. «На безрыбье и ракъ рыба», – говоритъ пословица, а приглашаемые авторы её дружно повторяли.

Распря фюрера секты съ председателемъ отдѣленія была застарѣлая, суть ея терялась во тьмѣ преданій, но важно отмѣтить, что она была односторонней: уголь въ топку подбрасывалъ одинъ лишь фюреръ. По слухамъ, онъ мстилъ председателю за неосторожное разглашеніе своей семейной тайны – о томъ, что сынъ его, адвокатъ и содержатель альманаха, былъ ему не родной, а приобрѣтѣнный при женитьбѣ. Но свара была ожесточѣнная: не довольствуясь газеткой, бывший поэтъ разсылалъ по электронной почтѣ косноязычныя плевки и ругательства вплоть до института им. Сербскаго и до администраціи президента. Правленіе СП Россіи и Госдуму онъ тоже не обносилъ. Въ пику председателю онъ даже зарегистрировалъ «петербургскій союзъ писателей – членовъ СП Россіи», куда единолично принималъ преданныхъ ему графомановъ, далеко не всегда въ СП Россіи состоявшихъ.

Это всё не сразу открылось Салабину, потому что съ председателемъ онъ былъ почти не знакомъ, и сначала чувствовал себя обязаннымъ фюреру.

Вскорѣ УДОД отправилъ Салабина на курсы методистовъ въ Аничковомъ дворцѣ – и это особая тема и отдѣльный гротескъ. «Вы знаете, чему учить, а мы знаемъ – КАКЪ!» – торжестующе заявляли методисты специалистамъ. На курсахъ Салабинъ соприкоснулся съ такимъ методизмомъ дремучихъ мѣщанъ и бюрократовъ, что туретчина, МКУБ и пыльный опытъ Измира показали ему не самымъ душнымъ отрѣзкомъ его жизни.

Тотъ же Толя С. познакомилъ Салабина съ неповторимымъ Васей Ардальоновымъ – этотъ былъ не очень тайный и достаточно самовлюбленный противникъ существующихъ и особенно прежнихъ властей, издатель самиздатскаго литературнаго журнала «Топоръ новый», незадачливый кандидатъ 2005 года въ РФ-президенты, всегда неизмѣнно и перманентно влюбленный то въ студентку, то школьницу – какую-либо откуда-нибудь... Но женою Ардальонова послѣднее обстоятельство расцѣнивалось какъ юридически и физически ничтожное.

Всѣ это раскрывалось, постепенно становясь настолько привычнымъ, что ни одна изъ подобныхъ странностей въ Ардальоновѣ или въ комъ-либо другомъ не вызывала категорическаго отторженія. Напримѣръ, Салабинъ считалъ своимъ другомъ «фашиста Костю» – отличнаго пейзажиста и замѣстителя председателя питерскаго Союза художниковъ. Этого званія удостоилъ Костю одинъ почитатель его мастерской: лицо международной національности увидѣло на берегу рѣчушки съ пасущимися лошадьми бѣлую часовенку съ крестомъ – повернулось къ живописцу и выпучило глаза: «Такъ ты, Костя, что – фашистъ?!» (То, что Левитану было можно, теперь Иванову – нельзя!)

Въ Костину мастерскую Салабина привелъ уже не Толя С., царство ему небесное, а Вася Ардальоновъ – во всѣхъ смыслахъ писатель, главный редакторъ и собственникъ «Топора новаго», революционеръ безъ революціи, въ прошломъ азартный игрокъ, ополченецъ на философію, на Церковь, на апостола Павла, критикъ, прозаикъ и виршеплѣть, подвижникъ и почти безсребренникъ. Исполать ему! (Εἰς τοῦτ᾽ ἐτοί!) Но всѣ эти событія были только подступы къ роковому знакомству съ Павломъ Петровичемъ Свѣтовымъ.

* * *

Сѣро-зелѣные, навывкате, съ антрацитовымъ отблескомъ глаза Павла Петровича обладали если не гипнотическимъ, то ужъ точно не поддающимся опредѣленію дѣйствіемъ. Не то чтобы онъ подавлялъ вашу волю, но вамъ опредѣленно становилось не по себѣ. Когда онъ смотрѣлъ на васъ, ласково улыбаясь и глядя вамъ въ глаза, вы попадали подъ его обаяніе, которое смущало васъ своей необъяснимостью – даже, можетъ быть, настырностью, отъ которой возникало неловкое чувство.

Когда неудачливый политикъ Ардальоновъ, владѣлецъ журнала и дожившій до сѣдинъ мальчишка-ловеласъ, знакомилъ Свѣтова съ Салабинымъ (то былъ нѣкій закрытый «круглый столъ» красующихся другъ передъ другомъ ораторовъ, до которыхъ былъ такъ охочъ старый диссидентъ Ардальоновъ) и Павелъ Свѣтовъ обмѣнялся съ Салабинымъ телефонами, то, сдѣлавъ запись у себя въ карманной книжкѣ, опять обратилъ къ Салабину настырные глаза и сладкую улыбку:

– Смотрите, я пишу: Геннадій Серафимовичъ, телефонъ... и «люблю и жую»... Люблю и жую!

Салабинъ мысленно пожалъ плечами и чуть не тряхнулъ ими наяву.

– Что за гранёный стаканъ стариканъ... – невнятно подумалось ему безъ всякихъ знаковъ препинанія.

Начиная уже съ фамиліи, всё было необычно въ этомъ человѣкѣ съ цѣпкимъ взглядомъ выпуклыхъ глазъ и гривой сѣдыхъ волосъ, которыми онъ часто потряхивалъ. Кто-то сказалъ, что Свѣтовъ былъ когда-то корреспондентомъ «Извѣстій» въ Средней Азійи, но его позднѣйшая ипостась, какъ скоро выяснилось, – это составитель и комментаторъ поэтическихъ антологій «серебрянаго вѣка», цѣнимый въ «Пушкинскомъ Домѣ» за скрупулёзность, педантизмъ и усидчивость.

Такъ постепенно стала разворачиваться передъ Салабинымъ лента жалобъ, новостей, событій и чертъ характера Павла Петровича Свѣтова.

Свѣтовъ жилъ бобылѣмъ въ комнатѣ коммунальной квартиры на Васильевскомъ островѣ, но было извѣстно, что когда-то у него была семья. Самъ Свѣтовъ на этотъ счётъ помалкивалъ; Салабинъ объ этомъ узналъ отъ Васи Ардальонова, а тотъ зналъ Свѣтова почти четверть вѣка – и оба были старше Салабина лѣтъ на семь.

Вскорѣ Салабинъ былъ приглашёнъ Свѣтовымъ на день рожденія, устроенный только для мужчинъ; женщинъ Свѣтовъ собиралъ отдѣльно. Величалъ всѣхъ Свѣтовъ съ нѣжностью: Ардальонова – Васенькой, живописца – Костенькой, Салабина – «Гена, дорогой ты мой»... Въ сумрачной комнатѣ, выходившей окномъ на сѣверъ и подъ вѣтви стараго вяза, собрались: одинъ филологъ изъ Пушкинскаго Дома, Василій, выпивоха и талантище Сергѣй, Салабинъ да самъ именинникъ – ожидался и Костя-художникъ, который не пришёлъ.

Въ тотъ періодъ Серѣга былъ закодированъ отъ выпивки, поэтому онъ скоро засобиралися уходить, а Салабинъ ухватился за возможность составить ему компанію.

Возмездіе за преждевременный уходъ не замедлило: той же ночью, въ третьемъ часу, Свѣтовъ позвонилъ Салабину съ жалобой на бессонницу.

– Пить надо меньше! – вертелось на языкѣ у Салабина.

Но они ещё не были на «ты», поэтому Салабинъ сдержанно выразилъ сочувствіе, а потомъ долго выслушивалъ разсужденія и возмущенія Павла по поводу быстротечности жизни.

Ардальоновъ регулярно устраивалъ *презентаціи* номеровъ своего журнала – и Свѣтовъ, его старый пріятель, тамъ бывалъ. Журналъ изготовлялся въ дорогой цифровой печати, зато тиражомъ по двенадцати–шестнадцать экземпляровъ, что ничуть не умаляло радости авторовъ и дюжины читателей, потому что эти представленія проводились въ мѣстномъ отдѣленіи Союза писателей Россіи (далѣе – СПР) и сопровождались *фуриетомъ*, въ складчину устрояемымъ. Василій могъ располагать помѣщеніемъ какъ членъ СПР и «нѣкоторымъ образомъ лютеранинъ» (такъ Салабину, въ духѣ чеховскаго персонажа, почему-то хотѣлось сказать), а гостями его были всѣ желающіе – плюсъ какая-либо новая поклонница ардальоновскаго таланта.

Но ни съ кѣмъ Салабинъ этими мыслями не дѣлился, а менѣе всего съ Павломъ: пусть люди празднуютъ, если новый «топоръ» – достаточный поводъ. Павелъ Свѣтовъ, бывая въ подпитіи среди подвыпившихъ, вскорѣ начиналъ своей эрудиціей и апломбомъ забивать окружающихъ, а возражать ему мало кто смѣлъ, потому что у Павла была феноменальная память и громадная библіотека. Стоило ему произнести своимъ резонирующимъ баритономъ: «Э... Это не такъ!» – и говорившій замолкалъ, а остальные только переглядывались.

Черезъ два-три часа, уже ночью, Павелъ звонилъ Салабину и спрашивалъ его о впечатлѣніяхъ отъ вечера, предварительно увѣдомивъ, что онъ дома сердечно добавилъ «на грудь». При всѣмъ при томъ, его пьянымъ, что называется, никогда не видѣли.

– А как ты оцениваешь моё выступление? – спрашивала Павел. – Всё правильно, всё нормально?

И стоило Салабину похвалить Павла, как тот начинал шумно дышать и сопеть в трубку, жалуясь на врачей, на астму – и постепенно переходя на чудовищные преступления прихватизаторов, всё и вся дербанящих.

Зывала Салабина Павел и на «гуманитарные проекты»: помочь в преддверии весны выскоблить оконные стёкла или увязать его книги в пакки накануне переезда в социальный дом для одиноких пенсионеров (через год-полтора Павел сдал свою комнату Госимуществу и получил взамен маленькую пожизненную квартирку – как ветеран пера и дитя войны). На стене у Павла висели большие фотографии Александра Блока, общее фото Есенина и Клюева времён мировой войны, фотография матери Павла... Женщина стояла во весь рост в рыбацкой лодке – на *ставке* в кубанской станице. Сбоку над дверным проёмом висел чёрно-белый портрет генералиссимуса Сталина, замечаемый гостями не сразу: между книжными полками и входной дверью Иосиф Виссарионович не очень попался на глаза.

От приглашений *просто так*, ради общения, Салабин всячески отбивался, но рано или поздно наступал предел, когда Павел начинал грозить отречением от их дружбы, если Салабин не придёт послушать о клюевских чтениях в Вытегр или посоветовать, надо ли Павлу отвечать на письмо бывшего товарища из Америки. По дороге к Павлу Салабин в метро негодовал на рекламу «English First» и «Английский – язык твоего будущего!», а в троллейбусе или в автобусе до Васильевского надушенно слушал объявления остановок на английском языке. В троллейбусах голос принадлежал доморощенному диктору – и у того гласные были по-нашему растянуты и отчасти *некондиционны*, зато он говорил *embankment* (набережная) – с полного одобрения Салабина. А в автобусах звучал голос настоящего американца, хотя не очень образованного: вместо *embankment* у него было французское *quay*. Вошедшее в англоязычные словари, это слово было неизвестно американцу, и тот произносил его слишком по-своему: Юниверсити квей.

Переступив порог Павла Свётова, Салабин давал волну своему возмущению городскими властями (хотя такова была всероссийская «культурная политика») и это был тот несчастный случай, когда Свётов не мог перебивать, а только поддакивал. Потом Павел рассказывал о своей прошлой жизни, о коллегах, разбятанных по странам, о вехах жизни и профессиональных успехах, о матери, о службе в армии, и всё это в ход вносила на кухню, а когда Салабин отправлялся домой, то Свётов провожал его до автобуса, неизменно держа под руку. Это Салабина очень тяготило.

Он не воспринимал Свётова как натуральное явление, тот казался ему итогом какого-то проекта – может быть, эксперимента; гипертрофированный книжник с феноменальной памятью; нарочитый, как «васеньки», «костеньки» из его усть... – нарочитый, как «украинец» с вышиванкой и «мовой» в зубах... как и сама фамилия Свётов.

На Свётова жаловались, что он взял в обыкновение звонить людям среди ночи, жалуясь то на бессонницу, то на потерю кого-то из близких, то на врачей, то на чиновников... А среди ночи он бывал обыкновенно в подпитии. Когда такая доверительность Павла накрыла и Салабина, тот, натерпевшись достаточно, запротестовал – «Зачём ты меня мучишь?», Свётов искренне воскликнул: «Дорогой мой, кого же я буду мучить, как не тебя!». Салабин, себя вопреки, сначала даже был польщён, но потом сообразил, что подобной лестью Павел мог подкупать и других... Некоторые знакомые признавались, что сумели отвести Свётова грубой правдой-маткой и защитили свой ночной покой. Как бы то ни было, Салабин долго оставался в числе избранных доверенных лиц Павла Свётова.

Павел держал Салабина в курсе своих ощущений и переживаний из-за непогоды, от обиды на отрёкшихся от него племянников, от расправивших его чувств по поводу прочитанных газет и читаемых книг. По ярости, клокотавшей в его голос, как и по рыданиям, рвущим его рёв, Салабин уверялся в том, что это всё не розыгрыш, а правда, сколь бы странной она ни была.

– Крёпись, Паша! Мы должны быть мужественны...

Если рыдания пропадали, то в голос Паши прорывались гордость и агрессия:

– Да, что подфлать – я сентименталень, Гена! Такимъ уродился. Можетъ, и недостатокъ – но вотъ я таковъ, и не болѣе того! Ещё твой Достоевскій говорилъ: полюби насъ чѣрненькими!.. Бѣленькими всякій насъ полюбить!

– Не Достоевскій, не Достоевскій! – хотѣль возразить Салабинъ. – Это его персонажъ!

Но вставить слово въ рѣчевой потокъ Павла было не просто, поэтому Салабинъ со временемъ закалилъ себя и научился просто трубку бросать, хотя потомъ день-другой терзался муками совѣсти. А на день четвёртый-третій Павелъ снова звонилъ какъ ни въ чёмъ не бывало.

Но когда Павелъ сообщалъ, что вотъ онъ третьяго дня опять вызывалъ неотложку – и до сихъ поръ ему хрѣновѣй некуда, то Салабинъ слушалъ его сочувственно и терпѣливо: кому ещё тотъ изольётъ свою жалость къ самому себѣ! Мама его, которую онъ поминаетъ въ каждомъ разговорѣ, давно въ могилѣ, отца, пропавшаго на фронтѣ, онъ не зналъ, а отчима, издѣвавшася надъ матерью, могъ только люто ненавидѣть. «И хорошо, что я ихъ разлучилъ!» – приговаривалъ Свѣтовъ.

Увезѣнный бригадой скорой помощи, онъ оказывался въ больницѣ безъ таблетокъ, безъ ингаляторов, безъ электробритвы, безъ зарядки къ телефону – и звонилъ поутру: «Гена, пріѣзжай, дамъ ключи, привезёшь мнѣ...» Послѣ двухъ такихъ случаевъ Салабинъ предупредилъ, чтобы больше не звонилъ, а держалъ всё необходимое въ пакетѣ аварийной готовности: не ребѣнокъ уже, слава Богу!..